

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Б. В. АНАНЬИЧ (Россия) – сопредседатель Совета

М. ЭМАР (Франция) – сопредседатель Совета

А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)

Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ (Россия)

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (Россия)

П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)

А. П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)

Н. А. МАКАРОВ (Россия)

Р. М. МУНЧАЕВ (Россия)

Е. И. ПИВОВАР (Россия)

У. РОЗЕНБЕРГ (США)

Р. Б. РЫБАКОВ (Россия)

А. Н. САХАРОВ (Россия)

Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ (Россия)

В. А. ТИШКОВ (Россия)

Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)

А. А. ФУРСЕНКО (Россия)

Л. ХЕЙМСОН (США)

М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)

А. О. ЧУБАРЬЯН (Россия)

Ю. ШЕРРЕР (Франция)

В. Л. ЯНИН (Россия)

Исторические Записки

10 (128)

Ответственный редактор
академик Б. В. АНАНЬИЧ

МОСКВА НАУКА 2007

Майкл Гордун

ОХОТА НА ПРИЗРАКОВ:
ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МЕНДЕЛЕЕВ И СПИРИТИЗМ

В середине 70-х годов XIX в. петербургская публика была возбуждена яростными спорами, которые в буквальном смысле относились к миру иному. В марте 1876 г. П.Д. Боборыкин сетовал: «Какой не придумывайте эпитет для истекающего петербургского сезона, вы должны будете его назвать "спиритическим". Ничто другое не волновало общество настолько, чтоб толки о медиумизме отошли на задний план... В серьезных и несерьезных кружках беседа оживлялась только тогда, когда речь заходила о спиритизме...»¹.

Современный спиритизм развился из маргинального и осмеянного увлечения необразованных людей в наимоднейший способ времяпрепровождения элиты, представители которой охотно участвовали в особых спиритских сеансах, с замиранием духа наблюдая за происходившими на них феноменальными явлениями. Сеансы обычно проходили в полутемных комнатах, под руководством "приобщенного медиума", действия которого вызывали определенные эффекты: от физических феноменов (например, вращения стола и его парения в воздухе) до более "спиритских" (автоматического письма, спиритической фотографии и материализации духов). Спиритизм рассматривался многими как модернизированная, более соответствующая успехам науки того времени религия и вызывал среди самих его сторонников споры о том, действительно ли за происходящие чудеса ответственные "духи". Некоторые для объяснения физических явлений предпочитали использовать термин "медиумизм", имея в виду эффекты, происходящие в присутствии медиума. Хотя поклонники спиритизма существуют и по сей день "золотой век" движения пришелся на конец XIX в., когда оно оформилось в виде причудливой смеси науки и веры². В России эпохи Великих реформ, способствовавших развитию дискуссий о месте науки в модернизирующемся государстве, спиритизм оказался в центре споров о статусе и соотношении религии, науки и предрассудков³.

Центральный эпизод в истории русского спиритизма одновременно можно рассматривать как своего рода микромодель отношений науки и общества в пореформенной России. Речь идет о деятельности Комиссии для исследования медиумических явлений, образованной в мае 1875 г. по инициативе Дмитрия Ивановича Менделеева Русским Физическим обществом⁴. До тех пор Менделееву приходилось делиться своими представлениями о естественных законах мира и об их объективных интерпретаторах (ученых с университетским образованием) лишь с коллегами-единомышленниками в Санкт-Петербургском университете, Русском Химическом и Техническом обществах. Спиритизм бросил этому сообществу вызов. Его сторонники не подвергали сомнению статус науки как способа исследования внешнего мира; они оспаривали скорее исключительное право Менделеева и его коллег на определение законов природы. Хотя в центре внимания Комиссии оказался вопрос о возможности *научного* объяснения спиритизма, дискуссия стала в то же время и частью более широкого *социологического* диспута. Со своей стороны, Менделеев создал Комиссию для того, чтобы вовлечь в спор и обеспечить себе поддержку близкого ему сообщества ученых. Однако в итоге его позиция оказалась очень уязвимой, а само научное сообщество раскололось.

Принято считать, что Менделеев был потрясен тем, что даже некоторые естествоиспытатели попали под влияние спиритизма, и стремился доказать, что медиумы — не более чем шарлатаны. Его же комиссия успешно разоблачила их, будто бы искоренив тем самым спиритизм⁵. Однако, во-первых, письменные свидетельства того времени говорят о том, что комиссия концентрировала свое внимание не столько на ученых как жертвах мистификации, сколько на представителях дворянской элиты. Во-вторых, Менделеев не стремился переубедить последователей спиритизма; его волновали не их убеждения, а то, чтобы он и его коллеги в Русском Физическом обществе остались для петербургской публики единственными легитимными интерпретаторами окружающего мира. Эти два соображения полностью меняют картину происшедшего и дают возможность воссоздать захватывающую историю того, как амбициозный ученый взял верх над модным увлечением на публичной сцене Петербурга. В этой истории отчетливо проявилось характерное для культуры того времени противопоставление элитарного и популярного дискурсов в науке. Консерваторы и либералы, богословы и ученые, аристократы и бульварные журналисты, — все вдруг почувствовали, что судьба Российской империи может решаться не в правительстве, а на сеансе вокруг стола, при звуках загадочного постукивания в потемках.

СДЕЛАНО В АМЕРИКЕ, ПЕРЕДЕЛАНО В РОССИИ. ИМПОРТ СПИРИТИЗМА

Спиритизм появился на свет в довольно скромной социальной среде: в сельском районе штата Нью-Йорк в марте 1848 г., когда молодые сестры Фокс, Кэти (12 лет) и Маргарет (15 лет), заявили о том, что они с помощью стуков общаются с потусторонним миром. В 1851 г. команда из Университета Буффало пришла к заключению, что девушки мошенничали, вызывая шум треском суставов большого пальца ноги или колена, и их родственник открыл, что девушки признались во лжи. Тем не менее сеансы с участием членов быстро обуржуазившегося слоя "медиумов" — индивидов, чей избыток нервной или психической энергии позволял им соединять два мира, быстро превратились в популярное религиозное движение⁶.

В середине XIX столетия спиритизм был принесен в Англию американским медиумом мадам Хейден и очень быстро развился, вобрал в себя многие характерные черты месмеристского (гипнотического) движения, в свою очередь пришедшего из Франции XVIII в.⁷ Продвижение спиритизма в Англии шло значительно медленнее по сравнению с его стремительным распространением на американской сцене, но английский "подвид" в конечном счете занял доминирующую позицию во всей Европе, так как британские медиумы приобрели особую репутацию "аутентичности" благодаря своему дистанцированию от заокеанской коммерциализации движения. Успеху английского спиритизма также способствовал упадок религиозных ценностей: наука и новые ценностные ориентиры воспринимались многими как угроза традиционным моральным устоям в Британской империи, а некоторые спиритисты предлагали здоровый компромисс религиозной веры с викторианским натурализмом⁸.

Репутация спиритизма как эмпирической основы для религиозной веры была подкреплена красноречивой поддержкой со стороны некоторых выдающихся ученых викторианской эпохи. Один из наиболее известных химиков своего времени Уильям Крукс в 1870 г. начал исследование феномена медиума Даниэла Дутласа Хьюма. Шотландец Хьюм был, наверное, наиболее яркой фигурой на мировой сцене спиритизма. Его возвращение после первого визита в Россию в 1859 г. способствовало восстановлению популярности спиритизма в Англии⁹. У. Крукс использовал свои обычные практики эксперимента и контроля, надеясь уличить Хьюма в мошенничестве, однако в конце концов признал его правоту. Поскольку обвинить члена Королевского общества в антинаучных фантазиях было непросто, спиритисты приобрели возможность ссылаться на уважаемый всеми источник. Число медиумов возросло, и хотя в 1874 г. Крукс взял обратно свое публичное признание спиритизма (он продолжал верить и практиковать спиритизм в частном порядке), сторонники и оппоненты движения постоянно ссылались на его незапятнанную репутацию или, напротив, опровергали ее¹⁰.

Согласно представлениям ученых-эмпириков того времени, наука занимается явлениями, воспринимаемыми человеком через ощущения, и поскольку спиритизм сопровождался феноменами, подающимися чувственному восприятию, его следовало признать реальным. Подобным же образом, поскольку наука предполагает, что общество должно доверять ученым, которые основывают свои работы на корректных методах, исследование Крукса оказало спиритистам существенную поддержку. Те же, кто считал, что спиритизм — не более чем суеверие, обращали внимание на его шаткое, по сравнению с научным методом, основание (веру), и стремились разоблачить его, используя "настоящую" науку и игнорируя при этом ученых-спиритистов. Эта специфическая проблема оказалась особенно острой в России.

Путешествуя по Европе, Д.Д. Хьюм обручился с русской девушкой из благородной семьи. Он приехал в Россию во второй раз в начале 70-х годов для венчания с ней, но церковные власти запретили церемонию. Хьюм был настолько угнетен и подавлен, что чувствовал себя "не в силах" проводить успешные сеансы. Он попросил о поддержке из Англии. 13 апреля 1871 г. У. Крукс написал рекомендательное письмо профессору химии Санкт-Петербургского университета Александру Михайловичу Бутлерову, родственнику невесты Хьюма: "По поводу нравственного характера г. Хьюма, я вполне уверен в его прямоте и честности; считаю невозможным, чтобы он занимался обманом"¹¹.

Вскоре после этого Хьюм заявил, что его покойная мать сообщила ему во сне, будто он вновь будет "в силах". Затем он действительно получил (через Бутлерова и другого будущего родственника, Александра Николаевича Аксакова) аудиенцию у Александра II в Петергофе. Сеанс имел успех, интерес царя к оккультизму был удовлетворен, и Хьюм продолжал спиритские эксперименты в квартире Бутлерова в течение своего длительного пребывания в Петербурге¹². Поскольку Крукс помог подтвердить репутацию Хьюма в России, спиритисты продолжили обращаться к именам других ученых-адептов. Назовем лишь самых известных среди них — инженер Кромвель Варлей, теоретик эволюционизма Альфред Рассел Уоллес и физик Оливер Лодж. Безупречная репутация этих ученых также стала поводом для споров относительно проблемы авторитета в науке¹³. Даже Фридрих Энгельс не решился критиковать этих ученых-спиритов¹⁴.

Хотя рекомендации английских ученых обладали весом в России, спиритизм был обязан своим распространением здесь не ученому, а аристократу — А.Н. Аксакову, который превратил его в выдающееся событие культурной жизни северной столицы. Как заявил в 1881 г. американский спиритист Хадсон Таттл, "у нас в Америке есть благородные и преданные спиритисты, но ни один из них не может превзойти [Аксакова]. Он принес в жертву свой высокий статус, и не задумываясь посвятил свою жизнь служению этому делу, чувствуя себя более чем вознагражденным успехом дела; и

щедро делясь с другими обретенным в нем счастьем"¹⁵. Аксаков был членом очень влиятельной в российском культурном обществе семьи, родственником ряда выдающихся мыслителей славянофильского и панславистского направления. Впервые он проявил интерес к спиритизму под влиянием работ Эммануэля Сведенборга и Эндрю Джексона Дэвиса, книги которых перевел на русский язык (хотя в разрешении опубликовать работу Дэвиса ему было отказано). Глубоко заинтересовавшись физикой, он в 1855 г. записался вольнослушателем Медицинского факультета Московского университета, где изучал физиологию, физику, химию и анатомию. В 1874 г. он опубликовал в Лейпциге первый выпуск журнала "Psychische Studien", за которым последовало написание магnum opus спиритистов "Анимизм и Спиритизм" — развернутого ответа на критику движения¹⁶. Даже Д.И. Менделеев имел в своем распоряжении экземпляр ранней работы Аксакова "Спиритизм и наука", на обложке которой он зачеркнул слово "наука" и дважды подчеркнул "спиритизм" голубым и оранжевым карандашами. Эта последняя книга являлась орудием защиты спиритизма от того, что Аксаков называл "деспотизмом публичного мнения и свидетельством невежества", из-за которых русская пресса отказывалась обсуждать этот феномен. Публикация содержала перевод работы Крукса и других авторов¹⁷.

Наибольшее достижение А.Н. Аксакова в популяризации спиритизма состояло в том, что ему удалось убедить своего родственника А.М. Бутлерова (мужа двоюродной сестры Аксакова), коллегу Менделеева по университету и, пожалуй, одного из самых уважаемых химиков страны, в реальности феномена медиумизма. Это случилось в 1870—1871 гг., во время второго приезда в Россию Хьюма. Убедить скептически относящегося к оккультным феноменам Бутлерова оказалось не просто. Впервые тот столкнулся со спиритизмом (и развенчал его) в усадьбе Аксаковых Абрамцево еще в 1854 г. Второй раз это произошло в 1868 г., на публичном спиритическом сеансе в Ницце. В конце концов, Бутлеров начал открыто писать о своих экспериментах с медиумами и их результатах¹⁸ и в 1871 г. даже безуспешно пытался создать комиссию для исследования феномена Хьюма в Санкт-Петербургском университете. Друг Бутлерова Фридрих Бельштейн из Технологического института сообщил Эмилю Эрленмайеру в Гейдельберг в апреле 1871 г., что "Бутлеров стал объектом насмешек даже для извозчиков. Вызыватель дьявола Хьюм (sic!) обратил его, и Бутлеров не только верит во все то, что Хьюм ему болтает, но даже публично его защищает!!! Хьюм проводил эксперимент перед собранием профессоров в Университете (включая Бутлерова) и, разумеется, плачевно провалился"¹⁹.

Бутлеров часто рассматривается как некий "русский Крукс" — выдающийся химик, заблуждавшийся в поддержке спиритизма²⁰. Он родился в дворянской семье недалеко от Казани, учился в Казанском университете. Там он быстро обнаружил свой талант в

естественных науках и после окончания университета получил назначение на место преподавателя химии. По возвращении из первой зарубежной поездки в 80-е годы XIX в. стал ректором Казанского университета, способствовал развитию научного образования и формированию сообщества первых профессиональных химиков в России. Он переехал в Петербург в 1868 г. и вскоре был избран в Академию наук. В качестве профессора органической химии Бутлеров продолжил свою экспериментаторскую работу и сформировал активно развивавшуюся научную школу²¹. С этим согласно большинство историков и ученых, исследовавших творчество Бутлерова.

Иногда биографы, характеризуя спиритизм Бутлерова, рассматривают его как своего рода религиозную манию, которую надлежит отделять от заслуг ученого-химика. Как всегда бывает с учеными, страдавшими "неблаговидными увлечениями" (вспомним алхимию Исаака Ньютона), Бутлеров изображается как человек с раздвоенной личностью: его рациональное "Я" было-де великим ученым-химиком, а его иррациональная натура оказалась поглощена оккультизмом, причем эти "близнецы" никогда не встречались²². Между тем на самом деле Бутлеров постоянно пытался найти научное объяснение событиям, которые он наблюдал на сеансах, использовал для этого эмпирические научные методы и рассматривал свою приверженность спиритизму как вполне совместимую с наукой. Именно эта научная составляющая в спиритизме А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова беспокоила Д.И. Менделеева более всего; оккультную же он мог бы игнорировать. Студенты Бутлерова воспринимали спиритизм своего патрона как свидетельство его честности. Например, обескураженный постепенным угасанием спиритизма, ставшим очевидным к моменту смерти учителя в 1886 г., московский химик В.В. Марковников подчеркивал в своей траурной речи: "Мы не можем пройти молчанием еще одной характерной стороны его убеждений и деятельности, имевших выдающееся значение в его жизни. ... Кто не помнит, как в семидесятых годах опрокинулась на него почти вся русская печать, и он стал помешанцем всей мелкой прессы, уже не стеснявшейся в словах, чтобы выразить свое пренебрежение к человеку, имя которого так высоко стояло в науке? Чтобы объяснить такое, по их мнению, противоречие, как совмещение в одном лице и знаменитого натуралиста, и спирита, готовы были признать у него даже некоторое умственное расстройство. Можно себе представить, что должен был чувствовать тот, на кого устремлялись эти нападки?"²³. Однако в частной переписке Марковников сообщал Бутлерову: "Несмотря на свою толерантность к спиритическим верованиям, я сам на каждого, променявшего свою полезную не только научную, но и всякую другую деятельность на занятия спиритизмом, смотрел бы и сожалением, близким к презрению"²⁴.

Случай Бутлерова важен, главным образом, потому, что его фигура не укладывается в распространенное представление о борьбе

Менделеева со спиритизмом. В то же время не стоит переоценивать роль Бутлерова в развитии русского спиритизма, так как не он, а Аксаков стал главным его адвокатом в России и являлся основной мишенью для комиссии Менделеева. Кроме того, Бутлеров был не единственным ученым-спиритом в Петербурге. Так, например, одним из главных его сторонников в университете являлся его друг зоолог Николай Петрович Вагнер. Более всего он известен не как ученый, а как автор детских книг, писавший их под псевдонимом "Кот Мурлыка". Однако в энтомологии он пользовался значительным авторитетом. Вагнер переехал в Петербург в 1870 г., заняв кафедру биологии на том же факультете, где работали Менделеев и Бутлеров. Вскоре он сблизился в Менделеевым, а с Бутлеровым дружил еще со студенческих лет в Казани. Первоначально Вагнер, как и Бутлеров, враждебно относился к спиритизму, а увлечение последнего спиритизмом стало для него настоящим шоком. Бутлеров, тем не менее, убедил его посетить несколько сеансов с Хьюмом, и к 1874 г. Вагнер уже был обращен. Именно Вагнер, а не Бутлеров, открывал "спиритистский сезон" 1875 – 1876 гг.

1875 ГОД. СПОРЫ ВОКРУГ СПИРИТИЗМА

В апреле 1875 г. выпуск "Вестника Европы" приветствовал читателей эссе Н.П. Вагнера. Статью с безобидным названием "Письмо издателю: О спиритизме" едва ли можно было считать бескомпромиссным манифестом; тем не менее именно она зажгла огонь дискуссии. Предвидя сенсацию, редактор журнала М.М. Стасюлевич сопроводил статью оправдывающей сноской: "Имя автора и избранный им предмет, обративший на себя в последнее время, так или иначе, внимание в обществе, и не в одном нашем обществе, побуждают нас исполнить выраженное почтенным профессором зоологии здешнего университета Н.П. Вагнером желание сообщить нашим читателям его обращение к ним"²⁵. Стасюлевич невольно сформулировал ключевые темы разгоревшейся вслед за тем шумной дискуссии: статус автора как университетского ученого, общественный резонанс и право обращения к публике за поддержкой.

Статья Вагнера начиналась с того, с чего обычно начинают писать о спиритизме, с цитаты из Гамлета ("Есть много, друг Горацио, такого, что и не снилось вашим мудрецам") — затем рассказывала читателю, что время от времени в науке обнаруживаются доказательства феноменов, которые ранее считались невероятными, и что так случалось и с ним в его исследованиях насекомых. Вагнер впервые столкнулся с Дэниэлом Хьюмом на квартире Бутлерова в 1871 г.; он охарактеризовал медиума как нервного сомнамбулиста с темпераментом "чего изволите-с". Вагнер атаковал Хьюма детально продуманными экспериментами, описал их в подробностях, и заключил: "Из всех виденных явлений я вынес одно, ясное, неоп-

ровержимое убеждение: движение стола и стуки действительно существуют. Это суть явления чисто-реальные, объективные, вероятно, принадлежащие с одной стороны к области физики, а с другой — к явлениям психическим... Вот почему в этих явлениях сильно играет мистический элемент и те странные толкования, которые приписывают им спириты"²⁶.

Исследовательские установки Н.П. Вагнера принципиально не отличались от научной методологии, использовавшейся Менделеевым в его исследованиях газа. Ученый старается выделить характерные черты изучаемого феномена, классифицировать его и затем пытается использовать инструмент (в данном случае — Хьюма) для разгадки законов природы. Упоминание Вагнером в его апрельской статье имени А.М. Бутлерова означало, что тот также вступил в бой с открытым забралом. Не то, чтобы Бутлеров ранее скрывал свои убеждения, но теперь, когда они оказались выставлены на всеобщее обозрение и обсуждение, ему был брошен вызов как главному сопернику. Первая публикация самого Бутлерова о спиритизме появилась шесть месяцев спустя в журнале "Русский Вестник"²⁷. В ней ученый подчеркнул враждебность, с которой столкнулся, пытаясь опубликовать свою работу, в особенности со стороны издателей большинства журналов и газет, бойкотировавших его статьи о спиритизме. Бутлеров утверждал, что спиритские феномены реальны и требуют такого же серьезного отношения, какое они заслужили в Западной Европе: "Я оставляю совершенно в стороне вопрос о том, вредны или нет медиумические опыты; я не приглашаю к ним людей неверных, суеверных или склонных к мистицизму, охотно допускаю, что под руками шарлатанов они могут быть поделными и служить орудием эксплуатации легковверных. Для меня довольно того, что виденное и описываемое мной представляет, по крайнему искреннему убеждению моему, реальные, неподдельные явления природы..."²⁸ Утверждение примата "факта" составляло фундамент рассуждений Бутлерова об оккультизме. Остальное в его статье было довольно типично: он подчеркивал, что множество компетентных ученых (в первую очередь английских) свидетельствовало в пользу признания спиритских феноменов, и затем кратко излагал суть своего исследовательского подхода. Бутлеров предупреждал читателей, что готов ответить только на критику, основанную на научных методах²⁹. Вагнер, в отличие от Бутлерова, не испытывал никакого неудобства от самой острой полемики. В октябре 1875 г. он опубликовал длинную статью, резко критикуя сатириков, нападавших на "серьезных ученых", поддерживавших спиритизм³⁰.

Оппозиция спиритизму была крайне жесткой. Примечательно, что все участники спора заявляли, что они — одиночки, вынужденные безуспешно бороться с доминирующим общественным мнением. И подобно тому, как Вагнер считал свои публичные выступления единственным голосом в пользу спиритизма в обществе, не желающем его слышать, так и его противники заявляли, что они

лишь пытаются сдержать повальное увлечение спиритизмом, спровоцированное зоологом. В результате довольно трудно понять, был ли спиритизм в тот момент действительно на подъеме или же, напротив, успешно подавлялся популярной прессой и Православной церковью. Дискуссия с Вагнером постепенно перешла на страницы "Русского Вестника", ставшего вскоре основным органом дебатов о спиритизме³¹. Некоторые критики пытались найти социальные корни моды на спиритизм, объясняя ее хаосом, последовавшим за российскими реформами. Согласно этой точке зрения, частичная свобода слова привела к "шатанию" умов, и интеллектуалы, не получившие достаточно свободы для реализации своих мечтаний, нашли ей замещение в неземных духах³².

Научное же сообщество, по существу, оставалось безмолвным. Один из авторов призывал ученых к вмешательству, заявляя, что молчание приведет к необратимым последствиям, и заключал: "Я знаю, что протест мой недостаточно авторитетен: он имеет только целью обратить на этот предмет внимание людей, более меня компетентных"³³. Слово в ответ на этот призыв "Вестник Европы" объявил об образовании Комиссии для исследования феномена при Русском Физическом обществе³⁴.

Это была идея Менделеева, убежденного, что научное сообщество — лучший из возможных форумов для решения научных проблем. При этом сам Менделеев старался держаться в тени, ссылаясь на беспристрастность сообщества ученых. Публичный имидж комиссии основывался на авторитете двух институтов: Русского Физического общества, основанного 11 марта 1872 г. и в 1878 г. слившегося с Русским Химическим обществом, а также Санкт-Петербургского университета, сотрудниками которого являлись большинство членов Комиссии и в котором располагались оба общества.

5 мая 1875 г. Д.И. Менделеев предложил создать комиссию на собрании Физического общества, членом-организатором которого он являлся. Он мотивировал свою позицию, оппонируя претензиям Вагнера: "Кажется, пришло время обратить внимание на распространение занятий, называемых спиритическими или медиумическими явлениями, как в семейных кружках, так и в среде некоторых ученых". Спиритизм "грозит распространением мистицизма, могущего оторвать многих от здравого взгляда на предметы [науки] и усилить суеверие..." Менделеев хотел, чтобы Физическое общество провело различие между настоящими явлениями и наследием "вымыслов и галлюцинаций", считая, что "такой способ рассмотрения доступен только ученым обществам": "Тогда, по меньшей мере, отнят был бы у спиритов тот, привлекающий многих адептов, аргумент, что явления эти новизною своею страшат ученых"³⁵. Список членов комиссии, в основном начинающих исследователей или лаборантов, включал в себя И.И. Богламан, Н.П. Булыгина, Н.А. Гезехуса, Н.Г. Егорова, А.С. Еленева, С.И. Ковалевского, К.Д. Краевича, Ф.Ф. Петрушевского, П.П. Фан-дер-

Флита, А.И. Хмолковского, Ф.Ф. Эвальда, а также самого Менделеева³⁶. В действительности в деятельности комиссии участвовала только небольшая группа ученых.

Ни один из членов комиссии не был спиритом и никогда не имел опыта взаимодействия с изучаемым феноменом. Поскольку комиссия намеревалась исследовать это явление объективно, в первую очередь было необходимо знакомство с ним. На своем первом заседании комиссия решила пригласить А.Н. Аксакова, А.М. Бутлерова и Н.П. Вагнера как консультантов, с тем чтобы они могли рекомендовать литературу и ознакомить членов с самыми типичными проявлениями спиритизма. На второй встрече 9 мая присутствовали все трое приглашенных, но чаще всех выступал Аксаков. (В основном, в тех случаях, когда в комиссии в протоколах значатся "свидетели со стороны медиумов", как называли участников-спиритов, имелся в виду именно Аксаков.) Время деятельности комиссии было определено периодом с сентября 1875 по май 1876 г., с не более чем одним заседанием в неделю в присутствии медиума, что в общем составляло по меньшей мере сорок заседаний; записи должны были производиться непосредственно после каждого сеанса³⁷. Форма окончательного отчета и процедура контроля за составлением протоколов особым образом не оговаривались. Аксаков искал медиумов для сеансов в Петербурге, но затем вынужден был обратиться к английским "профессионалам". Очевидно, ни один из местных медиумов не заслуживал репутации достаточно "эффективного" или не изъявил желания подвергнуть себя испытанию. Заседания начались не ранее конца октября, пять месяцев спустя после образования комиссии.

Лето Менделеев провел, пытаясь самостоятельно разобраться со спиритизмом. 19 мая он занес в свой ежедневник, переполненный записями об экспериментах с газом (тема, которой он тогда занимался очень активно): «Н.П. Вагнер сообщил, что нашелся новый медиум — барышня, "за которой стол бегают, как собачка". Мне нельзя было принять приглашение — ехал в деревню". Однако 27 мая он провел вечер в квартире Вагнера, но безрезультатно. Вагнер слышал стук, "которого никто другой не слышал", лаконично заметил Менделеев. 7 июня состоялся сеанс уже на квартире Менделеева. Присутствовали Гезехус из комиссии, Гутковская и Капустин из газовой лаборатории и знакомая последнего, Любовь Андреевна Курицкая, которая якобы обладала способностями медиума. Ничего не произошло. 1 июля Менделеев присутствовал на другом сеансе в летнем доме Курицкой, от нечего делать, перемежая свои записки метеорологическими заметками³⁸. Вагнер сам писал Менделееву, что Курицкая была не достаточно хороша для исследования комиссии (она слишком много суетилась)³⁹. Таким образом, Менделееву пришлось ждать до созыва комиссии в октябре.

На третьем заседании, 27 октября, Аксаков объяснил, что он не в состоянии найти местных медиумов, и был вынужден привезти

двоих за свой счет: Уильяма и Джозефа Петти (William and Joseph Petty) из Ньюкасла, 17 и 13 лет соответственно, приехавших в сопровождении отца⁴⁰. Хотя Вагнер был убежден, что мальчики-медиумы, он предупредил, что они не относятся к числу сильных. Еженедельные сессии должны были проходить по вторникам и четвергам с 7 до 10 вечера в квартире Менделеева. Комиссия также согласилась на проведение двух сеансов полностью на условиях медиумов и без контроля, с целью дать возможность капризному феномену проявить себя. Протоколов в этих случаях не велось⁴¹.

На шестом заседании комиссии, состоявшемся 11 ноября, председательствовал Ф.Ф. Петрушевский, профессор физики Санкт-Петербургского университета. Менделеев не руководил проведением заседаний ни в качестве секретаря, ни в качестве президента, он даже не посещал первых сеансов с участием Петти, поскольку медиумы ограничили количество присутствующих на сеансах. На этой сессии был зафиксирован первый потенциально паранормальный феномен: после двух часов сеанса на руках Боргмана, на столе и на листе бумаги материализовалась жидкость. Петти заявили, что капли были вызваны действиями медиумов. Однако химический тест доказал, что капли были идентичны слюне младшего из них. Они появлялись только на стороне листа бумаги, обращенной к медиуму, и никогда на обратной стороне или когда его рот был закрыт. Комиссия пришла к заключению, что феномен, произошедший в отсутствии каких-либо мер контроля, представлял собой мошенничество. Так появились первые признаки напряжения между спиритистами и членами комиссии. Бутлеров отказался подписать протокол и взамен присовокупил комментарий, заявляя, что идентификация капель со слюной была преждевременна⁴². Как всегда стремившийся к сенсации, Вагнер обратился с письмом в адрес издателя "Санкт-Петербургских ведомостей": "Жидкость, капли которой являются на бумаге, действительно показывает химическую реакцию слюны; но под микроскопом эта жидкость представляется несколько отличною от обыкновенной слюны, прямо взятой изо рта медиума или из слюнных капель, брызнувших на бумагу... Из этих опытов я считаю себя в праве заключить, что явление, которое исследуемо комиссией, не был фокус, а подлинное медиумическое явление, и я искренно сожалю, что членам комиссии не удалось в этом убедиться"⁴³.

Следующий сеанс на девятом заседании комиссии 20 ноября закрепил за братьями Петти репутацию мошенников и положил начало тому, что имя Менделеева стало пользоваться в Петербурге всеобщей известностью. Оппоненты считали его вздорным и придирчивым индивидуалистом, действовавшим жестко и бесцеремонно. Между сессией со слюной и самой известной сессией 20 ноября состоялось два дополнительных сеанса, на которых Петти представили то, что они называли "сеанс лицом к лицу". Оба медиума располагались напротив сидящих участников. За медиумами

висела занавеска, скрывавшая то, что являлось объектом манипуляций медиумов. На сеансе 18 ноября члены комиссии пытались соблюсти все предосторожности, с тем чтобы предотвратить мошенничество. В заметках к протоколу Менделеев описал сопротивление медиумов: "по-моему, вероятнее всего ожидалось, что присутствующие во тьме забудут наблюдать, настроятся мыслями на странности, страшности и таинственность и тем получают достаточный заряд того настроения духа, которой необходим для того, чтобы морочить людей"⁴⁴.

20 ноября Менделеев сделал все, чтобы не допустить подобной ошибки. Аксаков начал вечер с заявления, что если Петти не смогут совершить того, что от них ожидалось, на двух или трех последующих сеансах, он отправит их обратно в Англию. В 7.50 начался сеанс, но сначала ничего не произошло, за исключением того, что медиумы впали в транс и начали содрогаться в конвульсиях. В 8.20 сеанс был завершен. В 9.45 начали следующий сеанс в присутствии Аксакова, Боргмана, Еленева, Хмолковского, Краевича, Лачинова, Бульгина, Гезехуса и Фан-дер-Флита, разместившихся на небольшом расстоянии друг от друга. Менделеев сидел сзади, на расстоянии около 4 метров от занавески, и следил за музыкальной шкатулкой, а также светом маленькой лампы, стоявшей на полу за мебелью⁴⁵. Медиумы покрыли свои головы белыми платками так, чтобы их было видно в темноте. Свет был притушен, в ходе сеанса один из братьев выдвинул несколько требований, в том числе, чтобы Менделеев сел в круг, между Лачиновым и Бульгиным. Все услышали звук рвущейся бумаги, и старший медиум заявил, что это был спиритский феномен. Спустя пятьдесят минут после начала сеанса Менделеев зажег спичку, которая горела в течение двух секунд⁴⁶. Медиумы были возмущены и потребовали объяснений. Аксаков лаконично добавил: "Это не хорошо". Менделеев объяснил, что ему показалось, будто старший медиум наклонился, и он хотел взглянуть, что происходит. Медиум заявил, что если никто более не будет зажигать спички, колокольчик за занавесью зазвонит, и Менделеев пообещал более так не делать. Пять минут спустя члены комиссии услышали звук двигавшегося стула и падение тела, и белая ткань упала с головы старшего медиума, содрогавшегося от конвульсий. Менделеев предложил вызвать доктора, но медиум вновь сел на стул. Сеанс закончился в 10.50. Все согласились, что ничего спиритского не случилось, однако после осмотра комнаты при зажженном свете комиссия обнаружила большую дыру в занавеси. На заданный медиумам вопрос, есть ли у кого-нибудь из них с собой нож, внятного ответа не последовало⁴⁷. Когда Аксаков и медиумы удалились, оставшиеся собрались для обсуждения того, что они увидели. Возникло разногласие. Высказывавшиеся суждения, тщательно фиксировавшиеся в протоколе, поражают своей непоследовательностью, особенно учитывая, что именно это событие оказалось решающим в объявлении Петти мошенниками. Пять членов комиссии утверждали, что они видели, как медиумы произ-

водили какие-то манипуляции с занавесью. Ни один из членов не мог предложить объяснения, почему занавесь была разрезана. Менделеев позднее заметил в комментариях к протоколу, что он был уверен, что старший медиум надеялся проделать дыру в занавеси достаточную для того, чтобы быстро дотянуться до колокольчика, но спичка его спугнула, и дыра получилась больше, чем нужно. Поняв, что он не может это исправить, медиум упал, с тем чтобы списать появление дыры на конвульсии или на спиритскую энергию. В своих мемуарах дочь Менделеева Ольга описала этот инцидент по ее словам, рассказанный ей отцом на следующий день за завтраком⁴⁸.

Аксаков так комментировал случившееся сразу после публикации протоколов в 1876 г.: "Разрыв занавески произошел вследствие того, что г. Менделеев нарушил условия опыта и зажег спичку в то же время как медиумы были в транс; со старшим из них сделали судороги и он упал со стула на пол..."⁴⁹ В чем-то он был прав: действие Менделеева было откровенным нарушением согласованных условий. Если бы аналогичный проступок был совершен в газовой лаборатории, Менделеев несомненно пришел бы в ярость. Случай со спичкой, очевидно, не соответствовал целям комиссии, которая была создана для исследования феномена с научной точки зрения. Бутлеров и Аксаков начали сомневаться в объективности Менделеева.

Десятое заседание комиссии состоялось на следующий день и не привело к умиротворению гневных спиритов. Аксаков и Бутлеров не присутствовали, а Краевич, как глава, сделал следующее заявление относительно Петти: "Принимая во внимание, что во всех случаях, когда были соблюдаемы предосторожности, никаких так называемых медиумических явлений в присутствии медиумов Петти в заседаниях комиссии не происходило и что, напротив, когда медиумы были предоставляемы самим себе, без всякого контроля, такие явления наблюдались, комиссия приходит к тому заключению, что медиумы Петти постоянно стремились обмануть ее, а потому комиссия считает этих лиц обманщиками"⁵⁰.

Петти были отосланы обратно в Англию; А.Н. Аксаков должен был доставить очередного медиума к январю, и по его просьбе в работе комиссии был сделан перерыв. Но, не дожидаясь его окончания, 15 декабря Д.И. Менделеев выступил с лекцией о деятельности комиссии и публично огласил протоколы ее заседаний, включая протокол злосчастного сеанса 20 ноября. Лекция была попыткой Менделеева найти компромисс между требованиями публики и спиритов, настаивавших на открытости, с одной стороны, и стремлением членов комиссии сохранить автономию — с другой. Любопытство публики уже достигло предела, и Менделеев чувствовал, что если от лица комиссии не выступит он, то спириты сделают это сами, о чем свидетельствовали постоянные порывы Вагнера и Аксакова сообщить журналистам детали происходивших сеансов. Аксаков писал в "Санкт-Петербургские ведомости": "Я сожалею,

что комиссия, ввиду слухов и критиков, распространяемых о результатах ее действий, не находит нужным положить им конец кратким заявлениям от себя". Далее следовал сжатый обзор работы комиссии⁵¹. Менделеев со своей стороны написал Аксакову, что он уже пытался открыть публике ограниченный доступ на заседание Физического общества 2 декабря. "Вы, кажется мне, не очень одобряете раннюю мою попытку, но я ее делаю ввиду того, что мой почтенные товарищи, гг. Вагнер и Бутлеров, не ждут конца дел комиссии, а печатают и печатают свои статьи в журналах и газетах, в чем Вы им помогаете". Если спириты не смогли удержаться от комментариев, Менделеев почувствовал себя вправе на выражение своего мнения. Он писал Аксакову, что его "намерения были и есть (что будет далее — не ручаюсь) самые мирные"⁵².

Аксаков отнесся терпимо к факту публичной лекции, однако известие о том, что Менделеев собирается зачитывать протоколы, его потрясло. 11 декабря он сообщал Менделееву, что в описании того важного вечера есть множество нюансов, которые должны быть объяснены публике, в противном случае у нее может сложиться искаженное представление о произошедшем. Он отметил, что "зажжение спички во время наблюдательного заседания, особенно в то время, когда медиумы находились в транс, было нарушением условий опыта", и требовал, чтобы Менделеев публично прочитал дополнение, которое представило альтернативный взгляд на сеанс: "Публичное прочтение одного протокола без настоящего заявления моего, было бы, сколько я понимаю, односторонним изложением дела, а так как я несколько не сомневаюсь, что Комиссия... желает соблюсти самое строгое беспристрастие... то я уверен вполне, что Вы не откажетесь исполнить мою покорнейшую просьбу"⁵³. Требование было отклонено; Менделеев не собирался предоставлять Аксакову полномочия высказываться наряду с ним самим. Публике предстояло услышать только одну версию.

Менделеев подготовил и провел лекцию, проявив незаурядный талант манипулирования общественным мнением. Все доходы от нее (1 548 руб. 50 коп.), как было объявлено, пошли в пользу балканских славян, страдавших от турецкого гнета⁵⁴. Его выступление выглядело довольно беспристрастным, и спириты почти не нашли поводов для критики (хотя были расстроены чтением протоколов). Менделеев начал с общего объяснения понятия спиритизма, которое должно было создать условия для более объективного обсуждения феномена. Проводя аналогию с погодой, где "атмосферные явления" не являются продуктом действия какой-либо силы, но представляют собой процессы, протекающие в атмосфере, он определил спиритские явления как "те, которые происходят на сеансах, совершаемых чаще всего по вечерам, в темноте или в полутьме, в присутствии особых лиц, называемых медиумами; явления эти имеют, в общих чертах, сходство с так называемыми фокусами и потому представляют характер загадочности, необычайности, невоспроизводимости при обычных случаях"⁵⁵.

В комиссии, продолжал Менделеев, были представлены как сторонники спиритизма, так и скептики: "Первые научат вторых, что делать. Те и другие должны друг другу доверять"⁵⁶. Менделеев читал протоколы, не выделяя собственного мнения и предоставляя публике сделать свое заключение о том, что же было обнаружено. Он завершил свою речь, отметив, что работа комиссии еще не окончена, и окончательный вывод еще не может быть сформулирован.

Речь получила сдержанные оценки в прессе, особенно часто иронизировавшей над идиосинкразической манерой речи Менделеева: "О спиритах, или об органических соединениях, надо в публике говорить, или, по крайней мере, читать с известным минимумом ловкости и умения. И то, и другое значительно отсутствует в манере уважаемого ученого"⁵⁷. Чтение протоколов, напротив, имело большой успех. Петти часто упоминались прессой в качестве примера того, что медиумизм сродни шарлатанству, при этом на речь Менделеева ссылались как на образцовый пример научного разоблачения спиритизма со времен месмеризма во Франции⁵⁸. Впрочем, несмотря на энергичность этих заявлений, Аксаков, Бутлеров и Вагнер не стали еще мишенью для критики. Вина возлагалась на Петти, а не на собственно спиритизм. Спустя год ситуация изменилась.

СПИРИТИЗМ В 1876 ГОДУ

В первый день нового года Вагнер пожелал Менделееву успехов в его экспериментах с газом и исследованиях аэронавтики. Его записка касалась и спиритизма, и тон ее говорил о том, что Вагнер, ранее преисполненный оптимизма по поводу деятельности комиссии, теперь проявлял полный фатализм: "Далее будет все та же борьба безысходная и неутомимая и ни к какому соглашению и примирению не ведущая. Вы будете твердо стоять на своей точке зрения — мы не сойдем со своей точки зрения, и обе стороны будут равно правы, ибо эта борьба может быть старше мира". Он признал, что его позиция не беспристрастна, но призвал Менделеева сделать аналогичное признание: "Если бы Вы искренно постарались убедиться в том, что медиумические явления существуют, то и образ Вашего действия был бы совсем иной. Вам не для чего было бы собирать комиссии из ученых физиков и механиков. Вы сами — авторитет и судья себе". Там, где Менделеев прежде всего ценил коллективное мнение научного сообщества, Вагнер делал акцент на индивидуальных суждениях. Он остался в составе комиссии, но ограничил свое участие только редактированием протоколов⁵⁹.

Такая перемена настроения произошла не по вине Вагнера. Напряжение достигло такого уровня, что диалог между спиритами и скептиками превратился в сумбурные взаимные обвинения. Под угрозой оказалось не только существование самой комиссии; даже

в отношениях Менделеева с Бутлеровым появился осадок, а Вагнер отказался простить своего коллегу и бывшего друга. От отношений же Менделеева с Аксаковым, которые никогда не были теплыми, теперь веяло арктическим холодом.

Кризис разразился с приездом нового медиума в январе 1876 г. После неудачной попытки заманить известного Монка из Бристолья Аксаков договорился с медиумом мадам Клэр, которая работала с Уильямом Круксом. Клэр, как и Петти, содержалась за счет Аксакова в качестве его личной гостьи. На одиннадцатом заседании комиссии 11 января сеанс начался в 8 вечера. Сидя вокруг стола, Менделеев и другие участники наблюдали, как тот поворачивался и издавал стук. Затем стол поднялся на 10 см над полом и неожиданно упал вниз. Менделеев попытался предложить для продолжения эксперимента недавно сконструированный им манометрический стол, с помощью которого можно было бы измерять значения и направление давления, оказываемого на его поверхность, но эта идея была отвергнута спиритами⁶⁰. Был принесен другой обычный стол, и сеанс возобновился.

После такого благоприятного начала картина стала складываться в пользу спиритов. Однако на следующей сессии Клэр плохо себя чувствовала (вероятно, из-за местной питьевой воды), и Аксаков отменил заседание. К тому времени как Петрушевский получил эту новость, все члены комиссии уже собрались, и было решено считать заседание состоявшимся⁶¹. В центре внимания собравшихся оказался процедурный вопрос — один из трех, приведших в итоге к развалу комиссии. При основании комиссии был определен срок окончания ее работы — май, последний месяц академического года и 12-й месяц с начала ее работы. Проблема состояла в том, успеет ли комиссия провести все сорок запланированных сеансов, что зависело от Аксакова и поставляемых им медиумов. Тот считал, что сорока сеансов будет достаточно для изучения феномена, но комиссия могла бы завершить их только к ноябрю⁶². Поэтому Аксаков просил продлить срок ее деятельности. На заседании 25 января дискуссия разгорелась вокруг другого процедурного вопроса: кто должен вести записи. Комиссия категорически отказала спиритам в праве принимать участие в этом ключевом процессе⁶³.

Еще один конфликт тлел в комиссии почти с самого начала ее работы, но особенно острым стал начиная с четырнадцатого заседания, 27 января. Это разногласие затронуло святое для Менделеева представление об ученых как арбитрах, выносящих адекватные суждения о естественных законах. Под вопросом оказалась способность комиссии применять экспериментальные приборы по отношению к медиумам, что высветило методологические затруднения, лежавшие в основе научного исследования спиритизма. Спириты утверждали, что медиумистские феномены были по определению капризными, и прежде чем подвергать их экспериментальным тестам, которые могут им повредить, эти явления нужно наблюдать снова и снова с помощью чувств с тем, чтобы

убедиться в их существовании. Представим, например, эксперимент с электрическим полем, в котором используются измерители, которые это поле экранируют, делая само измерение некорректным. Аналогичным образом, если представить себе, что человек ничего не знает о природе спиритских явлений, заявляя Бутлеров и Вагнер, до тех пор пока не будет разработан менее интервенционистский метод изучения, невозможно сказать, что именно может экранировать их. Это было не отрицанием научного метода, а скорее предложением альтернативного менделеевскому подходу, позаимствованного из физических наук.

Пытаясь не допустить развала комиссии, Аксаков просил Менделеева отказаться от его позиции. Он утверждал, что "применение инструментов к исследованию явления составляет, сколько я понимаю, венец дела, а не начало его. Если бы у нас были эти приборы, то не было бы надобности и в Комиссии"⁶⁴. Менделеев был последовательным сторонником использования для экспериментов различных устройств, и отстаивал свою позицию, утверждая, что, отказываясь от приборов, спириты не смогут убедить ни одного человека с естественнонаучным образованием. В качестве научного факта, которому противоречат все наши человеческие ощущения, он приводил пример Земли, вращающейся вокруг Солнца. На пятнадцатом сеансе Аксаков и Вагнер позволили немного контроля, но не допустили использования приборов. Сеанс оказался безуспешным⁶⁵. Это оказалось последнее заседание с сеансом, так как мадам Клэр была занята 2 февраля, больна 5-го, а затем отозвана Аксаковым, до тех пор пока не уехала в деревню 4 марта⁶⁶.

Третья причина развала комиссии была социальной. Приезд мадам Клэр в Петербург вызвал в комиссии некоторое замешательство. В тот самый момент, когда комиссия начала усиливать контроль за медиумами, появление медиума-женщины высветило проблему джентльменского поведения⁶⁷. Конечно, появление Клэр усложнило задачу комиссии: в серии особых мнений к протоколам некоторые члены настойчиво требовали усилить контроль, при этом их рвение переходило границы приличия. Например, Менделеев пристально наблюдал за руками и ступнями Клэр во время сеансов, иногда наступая на ее платье с тем, чтобы не дать ей шевелить ногами и иметь возможность почувствовать движение в случае, если она будет давить на стол. Он также заглядывал под стол и увидел нечто, похожее на пружину, выскакивавшую из ее платья⁶⁸. Менделеев хотел обыскать Клэр, но его требование было отклонено Аксаковым ввиду того, что это было бы для женщины нестерпимым оскорблением (Аксаков не уточнил, считал ли он таковым обыск сам по себе или обыск мужчиной). Менделеев постоянно задевал стол сам или постукивал ногами, или двигал стол с тем, чтобы проверить реакцию медиума, — все это Аксаков позднее назовет действиями, разрушающими беспристрастное исследование. Прочие члены комиссии вели себя подобным образом⁶⁹.

Для членов комиссии было чрезвычайно сложно проводить исследование без обыска медиума-женщины. Как пишет историк Алекс Оуэн, спиритизм подарил женщинам возможность постепенно разрушить систему гендерных ролей, созданную обществом. Пассивность как символ викторианской женщины служила тем качеством, которое делало женщин идеальными кандидатурами на роль медиумов; они были способны пассивно вызывать духов из другого мира. Спириты также были страстными поборниками прав женщин и массы других прогрессивных идей, поэтому мастерство женщин-медиумов становилось для викторианской женщины освобождающей, хотя и несколько неортодоксальной профессиональной ролью⁷⁰. Этот двойственный статус женщины-медиума — "активной" во время трансa, и поэтому способной действовать энергично как мужчина, но при этом оставаясь в сущности "пассивным" объектом регламентированной социальной учтивости, — поставил Менделеева и его коллег в тупик. Они подозревали Клэр так же, как и всех остальных медиумов, но были ограничены в средствах контроля из-за публичной оппозиции "неделикатному" обращению со "слабым" полом⁷¹.

Некоторые наблюдатели упрекали Менделеева в "неджентльменском поведении". 19 января он получил резко осуждающее его письмо на английском языке от женщины из круга Клэр, и ответил на него через Аксакова⁷². Он заявил, что не скрывал своей враждебности к спиритизму, о чем все общество знает еще с прошедшего декабря; и Клэр знала, что она окажется под подозрением. В конце концов, весь смысл научного исследования заключается в том, чтобы установить истину. Затем он интерпретировал свое представление о понятии "джентльмен": "Вы неосторожно выразились, называя обращение и мои поступки неджентльменскими, пожалуй, что прямой путь к истине, каково я держусь, есть дело в действительности джентльменское. Так как Вам угодно ввести в вопрос о спиритизме и медиумах понятия о чести, а не об истине, то я возвращаю Вам обратно Ваше обвинение, полагая, что истина и честь неразлучны с правдой"⁷³.

Позднее Менделеев вернулся к проблеме "джентльменского поведения", заметив, что его подозрительность многими "доверчивыми спиритами неоднократно выставляли как неделикатность по отношению к даме". Он опубликовал выдержки из приведенного выше письма и добавил: "Истинная честь неразлучна с правдой; джентльмен содействует ее раскрытию, а не ставит тому препятствий"⁷⁴.

Менделеев ставит здесь под вопрос связь между понятиями — "быть джентльменом" и "быть человеком, заслуживающим доверия". Именно эта связь рассматривается историком науки Стивеном Шейниным как существенное условие в обосновании экспериментальных исследований в Англии эпохи раннего Нового времени⁷⁵. Согласно Шейнину, любое знание рано или поздно сталкивается с проблемой доверия. Никто не может проверить достоверность

того, что слышит другой; поэтому необходимо фиксировать все происходящее в рамках определенного протокола, который позволил бы доверять суждениям других. Именно в этом заключалась проблема эпистемологической значимости экспериментальных наук для английских ученых раннего Нового времени. Ее решение, первоначально разработанное Королевским научным обществом и его лидером Робертом Бойлем, заключалось в "виртуальном свидетельстве" — наборе письменных техник, которые симулировали реальное присутствие на эксперименте достойного доверия свидетеля, подкрепленное культурным стереотипом, что джентльмен почти по определению неспособен лгать (на самом деле "джентльмены", конечно, лгали, но культурный *идеал* все-таки сдерживал этот соблазн). Другими словами, производство знания зависело от социальных и культурных стандартов — образа человека, достойного доверия. К концу эпохи Просвещения представление об эпистемологической ценности экспериментального метода, очевидно, распространилось достаточно широко, чтобы отпала необходимость в опоре на "джентльменство" составителя протокола.

Но в 1876 г., как и сейчас, наука не могла избежать проблемы доверия. Сомнения в возможности положиться на мнение ученых и быстрое распространение спиритизма в образованном обществе коренились в том, что многие *достойные доверия* личности — как ученые типа Крукса, так и аристократы вроде Аксакова, — клялись в реальности спиритских явлений⁷⁶. Эта проблема оказалась особенно острой в России, где дворянство, этот бастион благосостояния и образованности, серьезно утратило свои позиции после Великих реформ. Отмена крепостного права и последовавшая за ней урбанизация положили начало процессу постепенного оскудения дворянства, полагавшегося теперь не столько на социальное, сколько на культурное превосходство⁷⁷. Другими словами, спиритическая деятельность Аксакова была отчасти попыткой утвердить новую публичную роль дворянства. Он (и в меньшей степени Бутлеров) пытались перенести английскую культурную категорию "джентльмен" на русскую почву с целью решить многие из тех проблем эпохи реформ, которые волновали и Менделеева. Аксаков пытался очертить пространство, в котором дворянство могло по-прежнему играть роль культуртрегера — а понятие "культуры" включало в себя знания о природе. Он был *достойн доверия*, и он верил в существование спиритизма, и на каких же основаниях кто-либо мог поставить под сомнение его свидетельствование?

Менделеев много работал над тем, чтобы разоблачить эту сторону спиритизма. Вместо того чтобы доказывать, что Аксаков не достоин доверия, как это пытались сделать многие журналисты, он предложил видение культуры, руководимой научной меритократией, культуры, в которой *доверие* не является более необходимой основой для суждений об окружающем мире. Во время дискуссии на четырнадцатом заседании Комиссии Менделеев сказал Аксакову и Бутлерову, что "нельзя же основать исследование явлений на

доверии к лицам; сомнение здесь законно, ибо условия опыта допускают возможность обмана"⁷⁸. Менделеев сочетал беспокойство о джентльменстве с озабоченностью по поводу метода, полагая, что использование манометрического стола уничтожило нужду доверия общественному статусу.

Убедить спиритистов не удалось, и поскольку они почувствовали себя оскорбленными спором о процедурных тонкостях, зашедшим в тупик из-за методологических разногласий, и задетыми неджентльменским поведением Менделеева и его товарищей по комиссии, они отказались от дальнейшего сотрудничества. 4 марта Аксаков написал в комиссию письмо, объясняя свой отказ, одновременно направив его в "Санкт-Петербургские ведомости". Он перечислил целую серию нарушений комиссией ее же собственных положений, включая задержки в составлении протокола и приложение особых мнений. В конце он заявил, что именно крайний элитизм комиссии обрек ее на неудачу: "Констатировать явление очень легко, исследовать его очень трудно. Тысячи людей констатируют, что медиумические явления существуют; долг комиссии, если она взялась за вопрос общественный, снизить до толпы и прежде всего видеть, что видит толпа, и видеть так, как видит толпа, чтоб потом, со знанием внешней стороны дела, приложить соответствующие приборы"⁷⁹.

В этом письме Аксаков изобразил Менделеева как "серого кардинала" комиссии — образ, который впоследствии закрепился за ученым. Подобные же письма направили в комиссию Вагнер и Бутлеров⁸⁰.

Выход Аксакова исключил возможность приглашения других медиумов, так что комиссии пришлось свернуть свои исследования⁸¹. 16 марта она приняла окончательное заключение о сеансах в квартире Краевича, а 21 марта было подписано заявление комиссии⁸². Менделеев и его коллеги были убеждены, что они защитили границы истинной науки, утвердив ее право на метод. Осталось только объявить о своей победе.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О РАБОТЕ КОМИССИИ

Официальное заявление Комиссии было опубликовано сначала в петербургской газете "Голос", а затем в подготовленных Менделеевым "Материалах для суждения о спиритизме". Заявление было написано таким образом, чтобы изложить историю комиссии в доступной для читателя популярной ежедневной газеты форме, и в то же время восприниматься как научный документ. В результате оно сочетало сенсационный тон газетных публикаций с сухим стилем научных журналов. В серии пунктов перечислялись основные заключения о братьях Петти и мадам Клэр, которые так и не смогли продемонстрировать реальные спиритские явления, и резюмировались противоречия в позиции Аксакова. Спириты изо-

бражались как противники истинного научного метода. "Большинство последователей [спиритизма. — М.Г.] не обладает ни терпимостью к мнениям лиц, не видящих в спиритизме ничего научно нового, ни критическим отношением к предмету своих верований, ни желанием изучать медиумические явления с помощью обычных в науке приемов исследования. А между тем спириты с особенной настойчивостью распространяют свои мистические воззрения, выдаваемые ими за новые научные истины"⁸³.

Заключение комиссии, которое позже широко цитировалось, было сформулировано очень просто: "На основании всей совокупности узнанного и виденного члены комиссии единогласно пришли к следующему заключению: спиритские явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритское учение есть суеверие"⁸⁴. Затем следовали подписи и звания членов комиссии.

Менделеев предоставил "Голосу" и любому другому периодическому изданию полную свободу перепечатывать этот материал с условием, что он будет опубликован полностью⁸⁵. Вскоре в той же газете появились отклики на него, с одной стороны Бутлерова и Аксакова, а с другой — Вагнера. Совместный ответ Бутлерова и Аксакова примечателен своим спокойным тоном. Они утверждали, что давно заметили отсутствие "нормального отношения" к спиритизму, и опубликованный доклад комиссии полностью оправдал опасения, выраженные ранее в заявлении об отказе от работы в комиссии от 4 марта. Вместо того чтобы оспаривать "догматизм" комиссии, Аксаков и Бутлеров решили опубликовать протокол успешного частного сеанса с Клэр 29 февраля, в ходе которого использовался одолженный у Менделеева манометрический стол. Они также требовали от комиссии опубликовать протоколы как можно быстрее и со всеми приложениями, с тем, чтобы каждый мог убедиться: Клэр действительно вызывает спиритские явления⁸⁶. Аксаков и Бутлеров выражали несогласие с неверным подходом комиссии к спиритизму, противопоставляя ему их собственный научный отчет о сеансе.

Ответ Вагнера основывался на противоположном подходе. Вместо того чтобы ставить под сомнение научный характер работы комиссии, он обвинил Менделеева в использовании диктаторских приемов, манипуляциях и в том, что тот организовал весь этот театр с целью поднять свой авторитет. Другими словами, Вагнер пытался перевернуть менделеевское решение проблемы доверия, отказав в доверии ему самому. Он подчеркивал в его поведении все, что могло быть понято как "неджентльменство" — покушение на честное имя женщины, ложь, манипуляция свидетельствами. Признавая, что он и Бутлеров в своих первых публикациях действительно пытались убедить "суд публики" в истинности спиритизма, он риторически вопрошал: "Как будто не на тот же самый суд отдавались протоколы заседаний ученой комиссии?". Все участники спора пытались снискать расположение

публики; Вагнер доказывал, что Менделеев этого расположения не заслуживал⁸⁷.

Именно беспокойство по поводу обращения спиритистов к "суду публики" и заставило Менделеева сформировать комиссию. Обнаружив почти полное безразличие к тому, что Бутлеров и Вагнер думали по поводу спиритизма, он был расстроен главным образом тем, что они высказывали свои мнения в прессе, нанося тем самым ущерб публичному имиджу ученых. Он беспокоился не об увеличении числа приверженцев спиритизма в столичном обществе, а об угрозе единству научного сообществ — единственно приемлемой, по его мнению, среды для исследования феномена спиритизма. В связи с публикацией письма Вагнера в "Вестнике Европы" Менделеев писал: "Оно не понравилось мне прежде всего потому, что явилось в литературном журнале, отдало имя моего товарища на газетную арену и предмет достойный, по словам ученого, ученой разработкой заявляло сразу не в среде ученых, а там, где почерпаются или уже сложившиеся точные научные понятия или где они прилагаются к вопросам общественной жизни.... Словом, я думал, что Н.П. Вагнер не туда адресовался, куда следует, забыл, что у нас есть уже возможность с новыми научными вопросами обращаться в ученые общества, развитие которых в последние годы в России характеризует нашу эпоху"⁸⁸.

Менделеев был недоволен тем, что спириты обращались со спиритизмом недостаточно научно, делая его объектом публичного, а не "экспертного" обсуждения. Наступление на спиритизм он продолжил во второй публичной лекции, прочитанной в два приема 24 — 25 апреля 1876 г. Подобно тому как с началом нового года изменился тон всей комиссии, тон самого Менделеева стал гораздо более жестким. В пореформенной России публичные лекции вошли в моду, и Менделеев воспользовался этим в полной мере⁸⁹. В крупнейших газетах были размещены рекламные объявления о продаже билетов, стоимость которых (от 50 коп. до 5 руб.) была достаточно скромной⁹⁰. Аксаков попытался вмешаться в ход первой лекции, когда Менделеев начал "разоблачать" мадам Клэр, но был остановлен и слушателями, и организаторами, которые сочли его опровержения несанкционированным публичным выступлением. Впоследствии стенографист записал, что Аксаков организовал что-то вроде семинара за пределами аудитории, обвинив Менделеева в симуляции шума во время сеансов Клэр (чего Менделеев не отрицал), и в том, что он не читал протоколов этих сеансов, потому что знал, что они не подтверждают его версию происхождения. Второй лекционный день прошел без демонстраций со стороны спиритистов⁹¹.

В центре второй лекции находилось то, как спиритисты бесцусно использовали риторику "фактов", неправильно понимая, как считал Менделеев, сам смысл этого термина. В попытках убедить публику, доказывая, он, спиритисты путали "факты" с видимостью. Утверждая, что научное знание часто противоречит тем

выводам, которые можно сделать, полагаясь на ощущения, Менделеев вновь приводил хрестоматийный пример вращения Земли вокруг Солнца. Наверное, центральный пункт лекции касался способности ученого говорить от лица науки. Он сравнил власть ученого над умами с государственной властью: "Наука существует отдельно от ученых, живет самостоятельно, есть сумма знаний, вырабатываемых всею массою ученых, подобно тому, как известное политическое устройство страны вырабатывается массою лиц, живущих в ней. Авторитетна наука, но не отдельные ученые. Ученый только тогда может и должен пользоваться авторитетом, когда он следует за наукою, подобно тому, как в благоустроенном государстве авторитетом власти пользуется только то лицо, которое блюдет законы"⁹².

В этом подходе интересно представление о характере связи науки и публичного дискурса. Хотя ученые представляют результаты своих исследований публично, наука не развивается с помощью открытых дискуссий. Важнейшим элементом формирования знания является уединенная работа ученого. Менделеев отверг спиритизм как "ошибку суждения" Вагнера и Бутлерова, которая, впрочем, не обесценивала их научных намерений⁹³. В целом, он настаивал, что "польза от разговора о спиритизме у нас, наверное будет, потому что о нем обе стороны пишут и говорят свободно..."⁹⁴.

Таким образом, спор о спиритизме, с точки зрения Менделеева, продемонстрировал обществу не только активную роль науки, которой занимаются профессиональные ученые, но и то, что Великие реформы привнесли в русское общество саму возможность свободных дискуссий. Гласность предполагала, что Менделеев мог противопоставить свой авторитет профессионального ученого социальному статусу дворянина Аксакова. Несмотря на взгляды Менделеева, ситуация не была равной для обеих сторон. Именно профессиональная репутация Вагнера и Бутлерова как серьезных ученых способствовала публикации их статей о спиритизме. Такого рода статьи ранее не появлялись в уважаемой прессе. После выхода статьи Вагнера в "Вестнике Европы" редактор журнала М.М. Стасюлевич отказался печатать сочувственные статьи о спиритизме. Нападки на Вагнера в этом журнале задевали также и Бутлерова, и последний пожелал защитить себя. Однако Стасюлевич не отвечал на письма Бутлерова и отказался предоставить страницы журнала для публикации его мнений, что Бутлеров воспринял как цензуру⁹⁵. Только "Русский Вестник" предоставил спиритистам трибуну для выступлений. В недатированном письме Бутлеров обвинил Стасюлевича в покушении на "гласность", вновь утверждая, что "лучший путь к истине — добросовестное свободное исследование, при котором одинаково громко дозволяет говорить и *за* и *против*"⁹⁶. Менделеев же считал, что гласность может распространяться только на ограниченную научную элиту, которая должна иметь дело с общественностью лишь после достижения согласия внутри своих рядов.

Еще более сильную отповедь спириты получили позже от Православной церкви, точнее от Святейшего синода, руководимого влиятельным К.П. Победоносцевым⁹⁷. В 1883 г., спустя годы после завершения работы комиссии, Бутлеров выступил с идеей прочитать собственные публичные лекции о спиритизме. Победоносцев категорически отверг эту идею уже после того, как программа лекций была напечатана: "В нашем народе и даже в так называемом образованном обществе и без того велика склонность к возникновению сект разного рода и к распространению религиозных лжеучений и предрассудков. Публичные чтения г. Бутлерова могут дать этой склонности новую пищу... Чтения г. Бутлерова возбуждают, без сомнения, газетную полемику весьма соблазнительного свойства. Благочестивые люди придут от этих чтений и полемики в немалый соблазн и станут роптать на правительство за допущение суеверия в публичном доказательстве. Церковь православная сочтет своим долгом и с церковной кафедры и печатно осудить и эти чтения, и общественное увлечение ими, и любопытство к исследованию таинственных явлений в массе публики... [С] церковной точки зрения явления так называемого медиумизма входят в область чародейства, строго осуждаемого церковью под угрозой церковных взысканий и отлучений, и не может быть сомнений в том, что наша церковь именно так, а не иначе отнесется к предмету г. Бутлерова. По всем сим соображениям я никак не могу признать удобным разрешение публичных чтений г. Бутлерова"⁹⁸. Таким образом, единственными публичными лекциями о спиритизме остались менделеевские.

Реакция прессы на вторую из этих лекций была абсолютно позитивной. Если после первого выступления газеты были обескуражены сухим научным тоном и сдержанными оценками спиритизма, то на этот раз они восприняли его пристрастное отношение как образец объективности⁹⁹. П.Д. Боборыкин объяснял, что спиритисты обнаружили "ненаучность" своих идей: *"ни один из них не согласится сызнова подвергать строгому научному анализу те ощущения, которые привели их к вере в реальность медиумических явлений"*. Мне кажется, этот последний пункт есть самая существенная черта, отличающая медиумизм от всякого другого убеждения, основанного на положительных данных.... Никакие Ньютоны, Лавуазье, Кеплеры, Либихи, Клод-Бернары, никогда не заявляли, что их открытия должны сначала быть констатированы всеми эмпирически, а потом уже подвергнуться строгой научной проверке"¹⁰⁰. Триумф выступления Менделеева был подкреплен отсутствием протестов на второй лекции.

Следующим шагом Менделеева стала публикация "Материалов для суждения о спиритизме". Они начинались с предисловия, в котором Менделеев говорил о причинах, вызвавших появление этой работы. Далее полностью воспроизводились протоколы сеансов и окончательное официальное заключение Комиссии с особыми мнениями. Затем следовала вторая часть, открывавшаяся вто-

рым предисловием и включавшая в себя ряд научных и исторических статей о спиритизме, а также текст обеих его публичных лекций¹⁰¹. Сама структура книги прекрасно отражала взгляды Менделеева на то, как следует воздействовать на общественное мнение.

Наиболее выигрышным методом аргументации Менделеева стало использование тщательно подобранных повторяющихся сопоставлений. Они составляли основную часть выработанного им научно-популярного стиля, с помощью которого научные знания представлялись российскому обществу; стиля, который он изобрел в противовес безличному тону научных публикаций. Однако нигде Менделеев не прибегал к этому методу так активно, как в случае со спиритизмом. Он потратил немало времени, разрабатывая комментарии к протоколам и собирая дополнительные статьи, а также редактируя свои собственные лекции и даже сопровождая их примечаниями, поясняющими смысл выступлений¹⁰². Заглавие не было розыгрышем: читатель мог сам легко использовать более ста страниц протоколов и приложений, опубликованных в "Материалах". С другой стороны, Менделеев настойчиво вел его к нужным выводам. Почти каждый абзац протоколов был снабжен обширными примечаниями, педантично подписанными Менделеевым и указывающими читателю, как интерпретировать текст. Он также вступал в полемику с публичными заявлениями спиритистов, газетными статьями, словом, со всем тем, что могло помешать этой правильной интерпретации: "Мне хотелось своими заметками осветить некоторые краткие и отрывочные речи протоколов, некоторые из мест дополнить и сопоставить и представить местами свой образ мыслей, потому что этим путем я думаю содействовать отчетливости впечатления, которое может быть вынесено из знакомства с тем, что сделано Комиссией. В иных местах я желал сверх того представить свои возражения против доводов, приводимых спиритами в защиту их учения"¹⁰³.

Дублируя "объективный" голос отчетов своим собственным авторитетом, Менделеев хотел привести читателя к нужным ему выводам, оставив его в то же время в убеждении, что он сделал эти выводы сам. Поместив официальное заключение комиссии после протоколов, Менделеев как бы подводил читателя к нему через серию собственных комментариев. Приложения во второй части материалов на темы, "относящиеся" к спиритизму, использовали ту же риторику "сопоставлений"¹⁰⁴.

Возьмем для примера сопоставление из предисловия. На титульном листе книги значилось, что она является очередным выпуском из серии книг по метеорологии¹⁰⁵. В предисловии это обстоятельство объяснялось так: «Как ни далеки кажутся два таких предмета, как спиритизм и метеорология, однако и между ними существует некоторая связь, правда отдаленная. "Спиритское учение есть суеверие", как заключила комиссия, рассмотревшая медиумические явления, и метеорология борется и еще будет бороться с суевериями, господствующими по отношению к погоде. В этой борьбе,

как и во всякой другой нужны материальные средства. Пусть же одно суеверие послужит хоть чем-нибудь против другого»¹⁰⁶.

Во многих собственных примечаниях к протоколам, как и в апрельских лекциях, Менделеев приводил многочисленные метеорологические аналогии, чтобы показать, как следует изучать спиритизм. Менделеев не только хотел таким образом использовать разоблачение одного суеверия, чтобы покончить с другим; он также хотел поднять статус науки, противопоставляя псевдонауку (спиритизм) науке реальной (метеорологии)¹⁰⁷.

Между интересом Менделеева к метеорологии и его борьбой со спиритизмом существовала и другая неясная связь, которая позволяет понять враждебность ученого к спиритизму как к движению — эфир. Очень многие спиритические тексты говорили о светоносном эфире как пространстве, в котором живут духи, так что сеансы, как считалось, могли помочь ученым исследовать взаимодействие эфира и материи¹⁰⁸. С точки зрения Менделеева, который как раз в тот момент был серьезно вовлечен (финансово и лично) в эксперименты по изучению эфира как формы материи, подобные заявления грозили дискредитировать всю программу исследования. Его атака на спиритов использовала риторику защиты научных методов и форм дискуссии отчасти, чтобы воспрепятствовать дилетантам, подобным Аксакову, вмешиваться в исследования, которые уже и без того находились в критическом состоянии. Его ссылки на метеорологию были лишь открытым выражением озабоченности проблемой эфира. Доказательства этому легко найти в библиотеке Менделеева. Он классифицировал книги по "спиритизму" (25 работ) вместе с книгами по "химико-физической космогонии" (97 работ) и "свету и межпланетному эфиру" (15 работ). Аксаков стоял на полке рядом с Максвеллом и Гельмгольцем.

Но это была палка о двух концах. Такое сопоставление использовалось противниками ученого, и в первую очередь Аксаковым, чтобы дискредитировать самого Менделеева. Взбешенный тем, как Менделеев обращался с медиумами и с ним самим во время сеансов и раздраженный тоном "Материалов", Аксаков переиздал протоколы Комиссии со своими собственными сопоставлениями. Его книга начиналась с очерка, озаглавленного "Наука и шарлатанство", в котором менделеевская Комиссия подвергалась обстоятельной критике. Заявляя, что вмешательство Менделеева в составление протоколов исказило результаты сеансов с мадам Клэр, Аксаков разместил в своей книге особые приложения сразу за протоколами тех сеансов, к которым они относились. Вслед за каждым приложением он добавил свои собственные комментарии о том, что происходило в действительности, набранные более крупным шрифтом. Как на обложке своей книги, так и в эпиграфе к вступительному очерку он цитировал Менделеева, иронично комментируя то, как Менделеев сам искажает "научный метод". Аксаков заявлял, что "Материалы" являются "как документальное доказательство того страстного и личного, а следовательно и не научного характе-

ра, который присутствовал в нашей комиссии; поэтому, быть может, о беспристрастии ее г. Менделеев и счел полезным неоднократно заявить". Высказывался он также и по поводу официального заключения Комиссии: «Почтенным сотоварищам моим, также свидетелям со стороны медиумов — профессорам Бутлерову и Вагнеру — не приличествует, да и нет им ни времени, ни охоты заняться таким делом. Сущность моего "рассмотрения" сводится к следующим положениям:

- 1) Медиумические явления в комиссии происходили, но были ею по возможности скрыты, утаены, оставлены без внимания или обозваны обманом.
- 2) Обмана со стороны медиумов никакого не было; по крайней мере ничего подобного комиссией не засвидетельствовано: одиночные показания не доказательства.
- 3) Был обман и была клевета, но со стороны комиссии и членов ее; то, что было со стороны комиссии обвинением против медиумов *голословным*, является теперь таким же обвинением против нее самой, но уже *документальным*.
- 4) Действия комиссии оказываются, поэтому, вполне пристрастными, систематически преследующими одну предвзятую цель отрицания медиумических явлений во что бы ни стало»¹⁰⁹.

Эта альтернативная логика научного исследования соответствовала взглядам Менделеева на ценность метода, но ставила под вопрос использование им этого метода. В то же время такие критики, как Ф.М. Достоевский, соглашались с выводами Менделеева, но оспаривали его метод¹¹⁰. Со своей стороны, Аксаков не считал, что результаты работы Комиссии должны как-то повлиять на его убеждения по поводу спиритизма и на его деятельность по обнаружению собственного кredo.

СПИРИТИЗМ ПОСЛЕ КОМИССИИ

Все спириты, вовлеченные в деятельность Комиссии, остались при своих прежних взглядах; Вагнер даже стал изучать такие оккультные сферы, как спиритская фотография и устраивал эксперименты со звездой спиритизма рубежа веков Эусанией Палладиной¹¹¹. Бутлеров оказался вовлечен в острые публичные дебаты с консервативным журналистом и известным занудой Николаем Страховым¹¹². После революции 1905 года интерес к спиритизму резко возрос. Спиритский журнал "Ребус" организовал в Москве 20–27 октября 1906 г. конгресс "Общества русских спиритов", в котором участвовало более 400 человек. К началу XX в. только в Москве и Петербурге предположительно насчитывалось более 1600 спиритских кружков. Движение вышло за пределы столиц и стало общероссийским феноменом. Накануне Первой мировой войны в Петербурге было официально зарегистрировано более 35 оккультных групп, самыми известными из которых были теософ-

ские и спиритистские. Окультизм сохраняет огромную привлекательность для российского общества до сего дня¹¹³.

Учитывая, что спиритизм несмотря на усилия менделеевской Комиссии имел такой ошеломляющий успех в России, можно задать вопрос, как "общество" реагировало на эти усилия¹¹⁴. Как и ожидалось, большинство журналистов сочли работу комиссии удовлетворительной, а ряд научных обществ, в основном медицинских, предприняли свои собственные исследования медиумистических явлений¹¹⁵. Однако группа уважаемых жителей Петербурга сочла поведение комиссии пристрастным и постыдным, доказывая, что, ограничив свою работу лишь восемью сеансами, комиссия не имела достаточных оснований, чтобы объявить о завершении исследования (они требовали, чтобы работа комиссии была возобновлена)¹¹⁶. Трудно прийти к какому-то определенному выводу, полагаясь на эклектичную выборку писем и статей, но можно с уверенностью утверждать, что цель комиссии Менделеева достигнута не была. Ей не удалось не только "обратить" его коллег ученых из спиритизма, но и воспрепятствовать пропаганде А.Н. Аксакова и распространению спиритизма в России.

Как сам Менделеев реагировал на спиритизм после комиссии? Может показаться удивительным, но после многолетней борьбы со спиритизмом он игнорировал все упоминания о нем. Вскоре после апрельских лекций он был отправлен в США на Всемирную выставку в Филадельфии, а также для исследования достижений нефтяной промышленности Пенсильвании. Долгое путешествие через Атлантику Менделеев провел за картами, шахматами и "спиритистскими опытами и фокусами". Будучи в Америке, он записывал адреса различных медиумов, но тщательным исследованием спиритизма не занимался¹¹⁷. Даже когда Бутлеров и Вагнер заняли более активную позицию в защите спиритизма, Менделеев, казалось, отошел в тень.

Но на этом история не заканчивается. Почти двадцать лет спустя, в 1894 г., редактор журнала "Ребус" Виктор Прибытков и Аксаков объявили, что Менделеев отказался от прежних взглядов и допустил существование медиумистских явлений. По-видимому, на одном из светских приемов Менделеев подошел к Прибыткову и заговорил с ним о спиритизме, обсудив некоторые фокусы профессиональных медиумов, которые он наблюдал в Америке. Несмотря на насмешливый тон Менделеева Прибытков все же спросил его, верит ли он сейчас в существование этих явлений. По его словам, Менделеев ответил: "Есть... Видел... Но бывают редко... Обращать на них внимания не стоит, и ни один серьезный, занятой делом человек не станет с ними связываться". Когда Прибытков выразил удивление, Менделеев заявил: "Как? Вы не понимаете? И то и другое вздор, пустяки!". Торжествующий Прибытков заявил, что ученый пересмотрел свои убеждения¹¹⁸.

Соответствовало ли это действительности? Едва ли. Менделеев определенно подшучивал над Прибытковым; такие шутки были в

характере ученого. Кроме того, он вряд ли стал бы делать такие признания журналисту-спириту. Наконец, стоит заметить, что в 1904 г. он опубликовал свою последнюю статью о спиритизме, в которой подтвердил правильность выводов комиссии, реагируя на вновь входивший в моду спиритизм. Даже спустя почти тридцать лет он по-прежнему формулировал эту проблему с точки зрения научного метода¹¹⁹.

Хотя вера Менделеева в способность естественных законов отдалить определенную меру стабильности осталась непоколебленной, неспособность комиссии воспрепятствовать распространению спиритизма или хотя бы помешать претензиям дилетантов вмешаться в исследование столь важного для него эфира, поколебала его упования на децентрализованные научные общества. Авторитет Менделеева в обществе, тем не менее, серьезно укрепился благодаря его эскападам против спиритизма, позволяли ему вновь стать звездой популярной прессы. В целом же вся эта история представляла собой много шума почти из ничего. В этом смысле она может восприниматься как аллегория Великих реформ, какими они предстают в 1875 г.

¹ Боборыкин П.Д. Ни взад — ни вперед // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 75. 16 марта. См. также: *Незнакомец*. Недельные очерки и картинки // Биржевые ведомости. 1875. № 357. 29 дек. Похожее настроение было отмечено двумя десятилетиями ранее в США. См.: *Moore R. Spiritualism and Science: Reflections on the First Decade of the Spirit Rappings* // *American Quarterly*. 1972. N 24. P. 475. Я буду в дальнейшем употреблять условный термин "русский спиритизм", говоря о событиях, происходивших в Петербурге.

² Спиритизм относится к категории "fringe science" — "пограничных" наук, таких как гипнотизм, френология и физиогномика, — выходящих за пределы того, что принято называть институционализированными науками, сложившимися вследствие научной профессионализации в XIX в. См., например: *Winter A. Mesmerized: Powers of Mind in Victorian Britain*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1998; *Cooter R. The Cultural Meaning of Popular Science: Phrenology and the Organization of Consent in Nineteenth-Century Britain*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. Поскольку сейчас спиритизм рассматривается как "псевдонаука", есть соблазн объяснить его возникновение деятельностью легковых лиц, которым противостояли некоторые отважные борцы за истину. Это все же искажает историческую реальность, поскольку во время описываемых событий было совсем не очевидно, правильно ли поступал Менделеев, разоблачавший медиумов, — это составляло предмет споров. Поэтому в данной статье я не стремлюсь оценить, кто был "прав". Хотя отказ от окончательного вердикта может показаться читателям неудовлетворительным, документы не позволяют нам дать однозначный ответ на столь понятные сомнения.

³ Русский термин "спиритизм" происходит от французского *spiritism*, который восходит к доктринам школы французского мистика Алана Кардека. Русское движение, тем не менее, было значительно больше под влиянием англо-американского спиритического движения, которое отдавало приоритет физическим эффектам и в большей степени служило источником научного агностицизма. О русском спиритизме см.: *Carlson M. Fashionable Occultism: Spiritualism, Theosophy, Freemasonry and Hermeticism in Fin-de-Siècle Russia* // *The Occult in Russian and Soviet Culture* / Ed. Rosenthal. 1997. P. 135–152; *Berry Th.E. Mediums and Spiritualism in Russian Literature during the Reign of Alexander II* // *Ibid.*

⁴ В конце XIX в. существовали и другие комиссии по спиритизму, но комиссия Менделеева была первой в своем роде, так как состояла только из ученых и декларировала своей целью исследование, а не разоблачение феномена. О других попыт-

ках см.: *Conan Doyle A. The History of Spiritualism: 2 Vols.* N.Y.: George H. Doran, 1926. P. 306; *Podmore F. Mediums of the 19th Century.* New Hyde Park (N.Y.): University Books, 1963 [1902]. Vol. II. P. 151; *Putnam A. Agassiz and Spiritualism: Involving the Investigation of Harvard College Professors in 1857.* Boston: Colby & Rich, 1874.

⁵ Менделеев отчасти сам повинен в возникновении этого убеждения. В 1898 г. Менделеев писал об эпизоде 1875 — 1876 гг.: "Когда А.М. Бутлеров и Н.П. Вагнер стали очень проповедовать спиритизм, я решился бороться против суеверия, для чего и образовалась комиссия при Физическом обществе. Тут я много действовал, у меня и собирались. Мое мнение — хорошо высказано в публичных лекциях 15 декабря 1875 и 24 и 25 апреля 1876 г., особенно в последней. Противу профессорского авторитета — следовало действовать профессорам же. Результат должный, бросили спиритизм. Не каюсь, что хлопотал много" См.: *Менделеев Д.И. Список моих сочинений* (1899) // Шукарев С.А., Валк С.Н. Архив Д.И. Менделеева: Автобиографические материалы: сб. док. А., 1951. С. 74 — 75. Этот эпизод был затем использован в качестве основы для умозрительных заключений: что Менделеев был диалектическим материалистом, что его действия дают пример научного подхода или что он придерживался позитивистского мировоззрения. О советской традиции представления Менделеева диалектическим материалистом см.: *Gordin M. A Well-Ordered Thing.* Dmitri Mendeleev and the Shadow of the Periodic Table. N.Y. 2004. Ch. 9. Авторы этих работ изображают борьбу Менделеева против спиритизма как наилучший пример его материалистических взглядов. См., например: *Фигуровский Н.А. Дмитрий Иванович Менделеев.* М., 1961. С. 11. *Иониди П.П. Мировоззрение Д.И. Менделеева.* М., 1958. С. 146; *Белов П.Т. Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX в.,* М., 1970. С. 248. О Менделееве как образце научного подхода см.: *Rice R.E. Mendeleev's Public Opposition to Spiritualism* // *Ambix.* 1998. № 45. P. 85 — 95; *Волгин И.А., Рабинович В.А. Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог* // Вопросы философии. 1971. № 11; *Макаренникова А.А., Нутрихин А.И. Менделеев в Петербурге.* Л., 1982. С. 148 — 153. Об антиспиритизме как позитивизме см.: *Vucinich A. Science in Russian Culture, 1861 — 1917.* Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 160. Дон Роусон, автор лучшей работы о комиссии Менделеева, ошибается, используя представления Менделеева, выраженные в работе 1903 г., для объяснения позиции ученого в 1875 г.: *Rawson D.C. Mendeleev and the Scientific Claims of Spiritualism* // *Proceedings of the American Philosophical Society.* 1978. 122. P. 1 — 8.

⁶ Об американском спиритизме см.: *Moore R.L. In Search of White Crows: Spiritualism, Parapsychology, and American Culture.* N.Y.: Oxford University Press, 1977; *Carroll B.E. Spiritualism in Antebellum America.* Bloomington: Indiana University Press, 1997; *Douglas A. The Feminization of American Culture.* N.Y.: Alfred A. Knopf, 1977. Ch. 6; *Kerr H. Mediums, and Spirit-Rappers, and Roaring Radicals: Spiritualism in American Literature, 1850 — 1900.* Urbana: University of Illinois Press, 1972. Многие спиритисты позиционировали феномены стуков и столоверчения в метафизической парадигме полтергейста, предложенной известным прорицателем и целителем Андрю Джексон Дэвисом, который утверждал, что духи Галена и шведского мистического теолога Эммануэля Сведенборга рассказали ему о зарождении новой веры. См.: *Carroll B.E. Spiritualism in Antebellum America...* Chap. 2. О сведенборгианстве, который был активно продвигаем в 40-е годы XIX в. в качестве религии таких групп, как фурияристы, см.: *Goldfarb R.M., Goldfarb C.R. Spiritualism and Nineteenth-Century Letters.* Rutherford (N.J.): Fairleigh Dickinson University Press, 1978. P. 29; *Swedenbor E. Concerning Heaven and Its Wonders, and Concerning Hell from Things Heard and Seen.* N.Y.: New Jerusalem, 1865. О Дэвисе см. его автобиографию: *Davis A.J. The Magic Staff: An Autobiography.* N.Y.: J.S. Brown, 1857; а также: *Brown S. The Heyday of Spiritualism.* N.Y.: Hawthorn Books, 1970. Ch. 2; *Podmore F. Mediums of the 19th Century: 2 vols.* New Hyde Park (N.Y.): University Books, 1963 [1902]. Ch. 11.

⁷ О месмеризме в Англии см.: *Winter A. Op. cit.* О противоречивой истории месмеризма во Франции Старого порядка и его частых столкновениях с философами-натуралистами см.: *Darnton R. Mesmerism and the End of the Enlightenment in France.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968; *Shaffer S. Self Evidence* // *Questions*

of Evidence: Proof, Practice, and Persuasion across the Disciplines / Ed. J. Chandler, A.I. Davidson, H. Harootunian. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 56 — 91.

⁸ В этом состоит одно из утверждений классической работы о спиритизме и науке: *Oppenheim. The Other World.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985. См. также: *Gauld A. The Founders of Psychical Research.* L.: Routledge and Kegan Paul, 1968. P. 15; *Nelson G.K. Spiritualism and Society.* L.: Routledge and Kegan Paul, 1969; *Turner F.M. Between Science and Religion: The Reaction to Scientific Naturalism in Late Victorian England.* New Haven: Yale University Press, 1974. Об общей истории английского спиритизма см.: *Barrow L. Independent Spirits: Spiritualism and English Plebians, 1850 — 1910.* L.: Routledge and Kegan Paul, 1986. О беспокорствах относительно американского коммерциализма: *Brown S. Heyday of Spiritualism.* P. 24.

⁹ Как писал один историк, "Д. Хьюм был во многих смыслах выдающийся викторианский медиум. Он был почти единственным, кто сохранил свою репутацию беспрекословной". См.: *Palfreman J. Between Scepticism and Credibility: A Study of Victorian Scientific Attitudes to Modern Spiritualism* // *Sociological Review Monographs.* 1979. 27. P. 206. Хьюм с энтузиазмом относился к эмпирическим проверкам и экспериментам, и даже разоблачал других медиумов как мошенников. См.: *Home D.D. Lights and Shadows of Spiritualism: 2nd. ed.* L.: Virtue & Co., 1878; *Dunraven, Windham Thomas Wyndham-Quin. Earl of. Experiences in Spiritualism with D.D. Home.* Glasgow: Robert Maclehose and Co., 1924. См. также его автобиографию: *Home D.D. Incidents in My Life.* L.: Longman, Green, Longman, Roberts & Green, 1863, а также биографию: *Burton J. Heyday of a Wizard: Daniel Home, the Medium.* N.Y.: Alfred A. Knopf, 1944.

¹⁰ Работы В.У. Крукса о физических феноменах опубликованы в *Crookes and the Spirit World: A Collection of Writings by or Concerning the Work of Sir William Crookes, O.M., F.R.S., in the Field of Psychical Research* / Ed. R.G. Medhurst. N.Y.: Taplinger, 1972. P. 338 — 354; *Palfreman J. William Crookes; Conan Doyle A. The History of Spiritualism.* Vol. I. Chap. 11. Биографическую информацию см.: *Brock W.H. A British Career in Chemistry: Sir William Crookes (1832 — 1919)* // *The Making of the Chemist* / Ed. Knight and Kragh. 1998. P. 121 — 129.

¹¹ Полностью письмо опубликовано в: *Fournier d'Albe E.E. The Life of Sir William Crookes, O.M., E.R.S. L.: T. Fisher Unwin, 1923. P. 196 — 198.*

¹² О визите Хьюма в Россию см.: *Goldfarb R.M., Goldfarb C.R. Op. cit.* P. 149; *Burton J. P. 243 — 244.*

¹³ О Лодже см.: *Jolly W.P. Oliver Lodge. L.: Constable, 1974; Wilson D.B. The Thought of Late Victorian Physicists: Oliver Lodge's Ethereal Body* // *Victorian Studies.* 1971. N 15. P. 29 — 48; *Root J.D. Science, Religion, and Psychical Research: The Monistic Thought of Sir Oliver Lodge* // *Harvard Theological Review.* 1978. N 71. P. 245 — 263. О Варлее см.: *Noakes R.J. Telegraphy is an Occult Art: Cromwell Fleetwood Varley and the Diffusion of Electricity to the Other World* // *British Journal of the History of Science.* 1999. N 32. P. 421 — 459. А.Р. Уоллес является особенно интересной фигурой, поскольку его обращение в спиритизм было одной из причин того, что он изменил свою точку зрения и отказался от поддержки теории естественного отбора в пользу человеческого разума. В этом состояло главная причина расхождения с Чарльзом Дарвиным. См.: *Wallace A.R. Miracles and Modern Spiritualism.* L.: George Redway, 1896; *Turner F.M. Between Science and Religion: The Reaction to Scientific Naturalism in Late Victorian England.* New Haven: Yale University Press, 1974. Chap. 4; *Kottler M. Alfred Russel Wallace, the Origin of Man, and Spiritualism* // *Isis.* 1974. 65. P. 145 — 192.

¹⁴ Ф. Энгельс высмеивал Уоллеса и Крукса и утверждал, что спиритизм был доказательством того что эмпирицизм обречен на неуспех без диалектически-материалистического метода (*Энгельс Ф. Диалектика природы*).

¹⁵ Цит. по: *Britten E.H. Nineteenth Century Miracles; or Spirits and Their Work in Every Country of the Earth.* N.Y.: William Britten, 1884. P. 352; широко известный французский ученый-спиритист Камилл Фламарион подчеркивал "огромный" авторитет Аксакова для утверждения подлинности медиумов. См.: *Flammarion C. Mysterious Psychic Forces: An Account of the Author's Investigations in Psychical Research, Together with Those of Other European Savants.* Boston: Small, Maynard, and Company, 1907. P. 66.

¹⁶ Этот текст появился в 1890 г. на немецком и был переведен на фр. и рус. яз. См. его исторический трактат: *Aksakoff A.N. Vorläufer des Spiritismus. Hervorragende Fälle willfährlicher mediumistischer Erscheinungen aus den letzten drei Jahrhunderten* / Trad. Feilgenhauer. Leipzig: Oswald Mutze, 1898. Хесс отмечает, что работы Аксакова до сих пор являлись каноническими для спиритизма наряду с трудами Крукса и Лоджа: *Hess D.J. Spirits and Scientists: Ideology, Spiritism, and Brazilian Culture*. University Park: The Pennsylvania State Univ. Press, 1991. P. 183–184.

¹⁷ Аксаков А.Н. Спиритизм и наука. Цитата с экземпляра, принадлежащего Менделееву и хранящегося в Архиве-музее Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге (Далее: АДИМ.) Биб. 42/1.

¹⁸ Быков Г.В. Александр Михайлович Бутлеров: очерк жизни и деятельности. М., 1961. С. 160.

¹⁹ Цит. по: Beilstein-Erlenmeyer: Briefe zur Geschichte der chemischen Dokumentation und des chemischen Zeitschriftenwesens / Hrsg. O. Krätz. Munich: Werner Fritsch, 1972. S. 19–20.

²⁰ Часто Бутлеров также предстает как главный спиритист, а Аксаков — его последователь, а не наоборот. См., например: *Inglis B. Natural and Supernatural: A History of the Paranormal from Earliest Times to 1914*. L.: Hodder and Stoughton, 1977.

²¹ *Brooks N.M. Alexander Butlerov and the Professionalization of Science in Russia* // *Russian Review*. 1998, N 57. P. 10–24.

²² Например, в своем обзоре истории науки в имперской России Александр Вусинич заявляет: "В течение этого периода Бутлеров-ученый был полностью отделен от Бутлерова-спиритиста". Бутлеров поддался спиритизму только под влиянием высших слоев петербургского общества. Вусинич отрицает любое опосредованное влияние на его ученую работу. Вусинич ошибочно уверяет, что Бутлеров не делал никаких "серьезных усилий" согласовать науку со спиритизмом. См.: *Vucinich A. Science in Russian Culture...* P. 145. Большинство биографии Бутлерова предпочитают игнорировать его пристрастие к спиритизму. См.: Бутлеров. Научная и педагогическая деятельность. М., 1961; *Гумилевский Л. Александр Михайлович Бутлеров, 1828–1886*. М., 1952. Он же. А.М. Бутлеров. 1828–1928. Л., 1929. Обратный пример — остающаяся до сих пор лучшей биографией ученого кн.: *Быкова Г.В. Александр Михайлович Бутлеров: Очерк жизни и деятельности*. М., 1961.

²³ *Марковников В.В.* Воспоминания и черты из жизни и деятельности А.М. Бутлерова // *Журнал Русского Физико-Химического общества*. 1877. № 19 (1). С. 94–95.

²⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. (Далее: ПФА РАН.) Ф. 22. Оп. 2. Д. 157. Цит. по: *Быков Г.В.* О научном методе А.И. Бутлерова // *Вопросы философии*. 1955. № 6. С. 112, примеч. К сожалению, сохранилось очень мало существенных архивов данных о спиритистских увлечениях Бутлерова. Его сын Михаил сообщает, что 5 апреля 1928 г. его душевнобольная жена сожгла переписку Бутлерова и Аксакова, которую Михаил забрал из Академии наук по личным соображениям. Эти документы, несомненно, содержали информацию о спиритизме. См.: *Мусабеков Ю.С.* Новые материалы об А.М. Бутлерове // *Тр. Института истории естествознания и техники*. 1955. № 6. С. 230.

²⁵ Примеч. издателей в ст.: *Вагнер*. Письмо к редактору // *Вестник Европы*. 1875. Апр. С. 875. Менделеев исчеркал свою копию журнала (АДИМ. Биб. 42/2).

²⁶ Там же. С. 859.

²⁷ Статья была снабжена редакционным примечанием, похожим на примечание Стасюлевича: "Имя автора этой статьи, пользующегося столь почетною известностью и авторитетом в ученом мире, профессора химии при С.-Петербургском университете А.М. Бутлерова, невольно обращает на нее особое внимание и во всяком случае оправдывает ее появление в журнале". См.: *Бутлеров А.М.* Медиумические явления // *Русский Вестник*. 1875. Ноябрь. С. 300, примеч.

²⁸ Там же. С. 303.

²⁹ Там же. С. 347.

³⁰ *Вагнер Н.П.* Медиумизм // *Русский вестник*. 1875. Окт. С. 869.

³¹ С другой стороны, критические замечания опубликованы в более широком круге журналов, например, перевод уничтожающей критики Крукса физиологом Уильямом Карпентером с целью продемонстрировать образец научного подхода.

См.: *Карпентер У.* Физиологическое объяснение некоторых явлений спиритизма // *Знание*. 1875. Май.

³² *Марков Евгений.* Магия под крылом науки // *Голос*. 1875. 3 июня. С. 1–2. Ответ Вагнера см.: *Вагнер Н.П.* Еще по вопросу о медиумизме // *Голос*. 1875. 9 июня. Подобную связь между спиритизмом и великими реформами прослеживал авт. ст.: *Спиритизм и наша интеллигенция* // *Неделя*. 1875. 25 марта.

³³ *Ращинский С.* По поводу спиритских сообщений г. Вагнера // *Русский вестник*. 1875. Май. С. 281, 399.

³⁴ *Шклярский.* Что думать о спиритизме // *Вестник Европы*. 1875. Июнь — июль.

³⁵ Этот отчет взят из документов Комиссии. См.: *Менделеев Д.И.* Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876. С. 3–4.

³⁶ Ф.Ф. Эвальд, который первоначально был председателем Комиссии, довольно быстро отказался от этого поста на основании того, что он убежденный антиспиритуалист и не хочет терять время. См.: Письмо Эвальда Менделееву 28 октября 1875 г. // АДИМ. Альб. 4/85. Ковалевский также посещал первые два заседания. На третьем заседании к Комиссии присоединились Д.К. Бобылев и Д.А. Лачинов.

³⁷ *Менделеев Д.И.* Материалы для суждения о спиритизме. С. 5–8.

³⁸ Записная книжка, 1874–1876. № 20 // АДИМ. II—A—1-1-9. Л. 67–69.

³⁹ Вагнер — Менделееву, 4 июля 1875 г. // АДИМ. Альб. 4/74.

⁴⁰ Бутлеров отправился с Аксаковым в Англию в поисках медиумов. В восхищенном письме В.В. Марковникову от 9 октября 1875 г. он писал: "Бывши в Лондоне, я видел вещи, которых было бы достаточно для убеждения в реальности и неподложности фактов, если бы я не был убежден прежде. После моего отъезда Аксаков видел еще большие чудеса в Нью Кастле и надеется привезти сюда медиумов для нашей ученой комиссии. Я скоро напечатаю статью по этому предмету". См.: *Бутлеров А.М.* Научная и педагогическая деятельность. М., 1961. С. 306.

⁴¹ *Менделеев А.М.* Материалы для суждения о спиритизме. С. 11.

⁴² Там же. С. 14–18.

⁴³ *Вагнер А.М.* Письмо редактору // *Вестник Европы*. 1875. 3 дек. С. 3.

⁴⁴ *Менделеев Д.И.* Материалы для суждения о спиритизме. С. 20, примеч.

⁴⁵ Там же. С. 27. Менделеев добавил в примечании, что Бутлеров не присутствовал на этом и последующих сеансах, а сидел с остальными в задней комнате.

⁴⁶ Протокол гласил о Менделееве: "Севши в полукруг, он сперва ясно отличал белые платки на медиумах в нормальном положении, а потом ему показалось, что положение платка старшего медиума значительно изменилось. Проверив несколько раз это впечатление, он для уяснения зажег спичку и успел заметить, что старший медиум сидит, наклонившись к занавеске, полуоборотя лицо свое назад вправо". См.: Там же. С. 29.

⁴⁷ Там же. С. 8. Любопытно, что как сообщается в приложении, перед собранием Краевич спросил нет ли у медиумов чего-либо острого, и Аксаков предложил ему обыскать их, но Краевич отказался (Там же. С. 69).

⁴⁸ О ней см.: *Тригорова-Менделеева О.Д.* Менделеев и его семья. М., 1947. С. 28. Ольга не могла слышать эту историю от своего отца на следующий день, потому что она была со своей матерью на даче в Подмоскowie. Стоит отметить, что эти мемуары были написаны в значительной степени много лет спустя, после смерти отца в 1907 г. К тому же, в момент описываемых событий Ольге было лишь около десяти лет. Описание Менделеевым эпизода с порванной занавеской см.: *Менделеев Д.И.* Материалы для суждения о спиритизме. С. 30, примеч.

⁴⁹ *Аксаков А.Н.* Памятник научного предубеждения: Заключение медиумической комиссии Физического общества при С.-Петербургском Университете с примечаниями. СПб., 1883. С. 6.

⁵⁰ *Менделеев Д.И.* Материалы для суждения о спиритизме. С. 30–31.

⁵¹ *Аксаков*. [Письмо редактору. 7 декабря 1875]. Менделеев сохранил копию этого письма. См.: АДИМ. Альб. 4/80А.

⁵² Менделеев — Аксакову, 8 декабря 1875 г. // АДИМ. Альб. 4/153.

⁵³ Аксаков — Менделееву, 11 декабря 1875 г. // АДИМ. Альб. 4/169. А.Н. Аксаков публично жаловался, что "справедливость требует, что этим свидетелем (в на-

стоящем случае г. Бутлерову и мне), по окончании чтения, было также представлено слово... так делается, по крайней мере, в Англии, в публичных чтениях о спиритуализме" (Аксаков. [Письмо редактору. 7 декабря 1875]).

⁵⁴ Менделеев просил Санкт-Петербургское отделение какого-то комитета помощи славянам, в частности его подкомитет для помощи жертвам восстания в Боснии и Герцеговине, предоставить помещение и содействовать получению разрешения на публичную лекцию от МВА (Письмо от 4 декабря 1875 г. // АДИМ. I-V-19-4. 64). Позже Комитет хотел получить права на публикацию лекций, но Менделеев отказал. См.: письмо И. Янкумова Менделееву, 17 декабря 1875 г. // АДИМ. I-V-19-4. 63.

⁵⁵ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 308.

⁵⁶ Там же. С. 314—315.

⁵⁷ Боборыкин П.Д. Воскресный фельетон // Санкт-Петербургские ведомости. [1875. 21 дек.]. С. 1. Стиль публичных выступлений Менделеева часто сравнивали с "нагромождением камней" из-за резких колебаний тона и скорости речи. Даже самые восторженные его поклонники могли сказать что содержание компенсировало эти дефекты речи. См.: Тущенко В.Е. Воспоминания о Д.И. Менделееве // Природа. 1937. Март. С. 127; Вайнберг. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве. Томск, 1910. С. 2; Каблуков. Дмитрий Иванович Менделеев // Вестник Воспитания 1907. 18(2). С. 96; Он же. Дмитрий Иванович Менделеев // Научный работник. 1927. № 7/8. С. 102.

⁵⁸ Шклярский. Критики того берега // Русский вестник. 1876. Янв. С. 494. См. также: [Цвет]. Спиритизм и спириты: знакомство, выводы, общественные и психические условия, историческая почва. СПб., 1876. Эта резкая статья была опубликована в начале 1876 г. Менделеев исчеркал свою копию. (АДИМ. Биб. 42/4), которая могла быть образцом для его апрельских лекций.

⁵⁹ Вагнер — Менделееву, 1 января 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/52. Вагнер поддерживал связь с Комиссией и был особенно заинтересован в исследовательских экспериментах, намеченных на январь. Он обратился к Менделееву, поскольку, по его словам, тот был единственным членом Комиссии, которого он и Бутлеров могли бы считать настоящим другом. См.: Вагнер — Менделееву, 6 января 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/53.

⁶⁰ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 32—34.

⁶¹ Там же. С. 37.

⁶² Там же. С. 68. На тринадцатом заседании, 25 января 1876 г., Аксаков пожаловался, что медиумы часто страдают нервными расстройствами, поэтому должны быть предусмотрены правила отмены сеансов без ущерба для спиритов. Было решено, что об отмене сеанса нужно предупреждать за три дня (Там же. С. 40).

⁶³ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 38. Оставались и другие процедурные вопросы, например, долго дебатировалось, должны ли сеансы продолжаться в квартире Менделеева или быть перенесены на квартиру Аксакова, где во время других сеансов уже регистрировались спиритистские явления. Ф.Ф. Петрушевский отправился осмотреть квартиру Аксакова в январе и не нашел препятствий для переноса. Окончательное решение было оставлено за Менделеевым. См.: Петрушевский — Менделееву, 22 января 1876 г. // АДИМ I-V-19-4-85. Этот случай показывает, что Менделеев в подобных вопросах имел решающую власть, хотя формально он был всего лишь одним из членов Комиссии.

⁶⁴ Аксаков — Менделееву, 19 февраля 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/178.

⁶⁵ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 46, 50.

⁶⁶ Уход Клэр вызвал некоторый интерес журналистов, чей аппетит был возбужден декабрьской лекцией и не получал утоления из-за отсутствия какой-либо информации о работе Комиссии. Аксаков, раздраженный тем, что газеты объявили, что Клэр уходит потому, что она была разоблачена как мошенница, направил в крупнейшее издания письмо, заявляя, что именно по его настоянию она была удалена с сеансов, однако осталась в Петербурге как было запланировано. См.: Аксаков. Письмо в редакцию. [12 марта 1876]. С. 2. После удаления из Комиссии Клэр продолжала с успехом проводить сеансы в доме Аксакова. См.: Аксаков А.Н. Спиритские подвиги. [1 марта 1876].

⁶⁷ Именно по этой причине, как позже отмечал Менделеев, Комиссия решением от 9 мая 1875 г. отказалась от привлечения медиумов-женщин. Поскольку это решение не было нигде письменно зафиксировано, Аксаков смог безнаказанно привести еще одну женщину, для того, как считал Менделеев, что помешать работе Комиссии. См.: Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 94, примеч.

⁶⁸ Там же. С. 79—80, 83.

⁶⁹ Бобылев сказал 29 января, что он заметил, как Клэр быстро двигала руками (Там же. С. 88—89), а другие видели, как она мошенничала, двигая ногами (С. 117—118). Менделеев оправдывал свою агрессивность, утверждая, что нужно дополнить чувства приборами. См. его заявление в протоколе от 11 января 1876 г. (АДИМ Альб. 4/150).

⁷⁰ По поводу английского случая см.: Owen A. The Darkened Room: Women, Power and Spiritualism in Late Victorian England. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1990. Об американских медиумах-женщинах см.: Braude A. Radical Spirits: Spiritualism and Women's Rights in Nineteenth-Century America. Boston: Beacon Press, 1989; Moore R.L. Search of White Crows. N.Y., 1977. Chap 4. Альтернативная интерпретация предложена: Douglas A. The Feminization of American Culture. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1977.

⁷¹ Д.И. Менделеев впоследствии объяснял, что между спиритами и феминистками существовал альянс, основанный на взаимном интересе. По его мнению, феминистки использовали спиритистов для того, чтобы продемонстрировать равенство между полами, в частности что женщины способны выполнять ту же работу при помощи духов, что и мужчины. См.: Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 327.

⁷² Менделеев — Аксакову, 18 февраля 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/177; Аксаков — Менделееву, 19 февраля 1876 г. // Там же. Альб. 4/178.

⁷³ Менделеев — анониму, 19 февраля 1876 г. // Там же. Альб. 4/176.

⁷⁴ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 169.

⁷⁵ Shapin S. A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England. Chicago Press, 1994; Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton Univ. Press, 1985.

⁷⁶ Современный пример такого объяснения см.: Johnson S. Spiritualism Tested by Science // New Englander. 1858. May. P. 28.

⁷⁷ Я имею в виду лишь восприятие экономического упадка современниками; свидетельства реального упадка весьма амбивалентны.

⁷⁸ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 45 (см. также с. 151). Конечно, следуя за рассуждениями Шейпина (Shapin), можно легко убедиться, что Менделеев заменял доверие на основе социального статуса другим видом доверия: в его интерпретации доверия заслуживали те исследования, которые проводились специальными научными институтами с использованием научных методов.

⁷⁹ Возражения А.Н. Аксакова против личных мнений особенно интересны: "Такие одноличные показания, основанные на субъективных впечатлениях, или не имеют значения для исследования и тогда не должны быть допущены, или имеют значение и тогда уже не имеет значения сама комиссия, которая, должно думать, для того и образовалась, чтоб одноличные субъективные впечатления заменить неодночисными наблюдениями". См.: Аксаков А.Н. Письмо в Комиссию // С.-Петербургские ведомости. 1876. 11 марта. С. 2—3.

⁸⁰ Письмо Бутлерова предварялось редакционным комментарием: "Всякое возражение мы напечатать тем с большим удовольствием, что искренно желали бы, чтоб это дело было выяснено перед публикой открыто и ясно и не давало бы повода ни к каким утрекам, направленным против физического общества". Бутлеров почти дословно повторял слова Аксакова по поводу приборов. См.: Бутлеров А.М. Два письма к редактору // Новое время. 1876. 8 марта. С. 2.

⁸¹ Менделеев продолжал издеваться над Аксаковым и после Комиссии. Так, он прицепился к однажды высказанному Аксаковым мнению, что хотя можно подделывать спиритские явления, раскачивая стол, человек вряд ли способен перемещать стол и одновременно держать ладони на его поверхности. Менделеев утверждал, что он мог бы это проделать и он сделает это публично, если Аксаков согласится дать

слово, что после этого он никогда ничего не скажет в пользу медиумизма на любом из европейских языков. Если же ему это сделать не удастся, он обещал не выступать более против спиритизма. См.: Менделеев — Аксакову, 18 апреля 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/180. Он так и не послал этого письма, но позже опубликовал подобное предложение пари в "Материалах".

⁸² Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 51 — 52.

⁸³ Там же. С. 59.

⁸⁴ Там же. С. 60. Выделено в оригинале.

⁸⁵ "От Комиссии для исследования медиумических явлений" // Голос. 1876. 25 марта.

⁸⁶ Бутлеров и Аксаков. [письмо к редактору. 29 марта 1876 г.]. Выделено в оригинале.

⁸⁷ Вагнер. За и против. Ответ на приговор спиритической комиссии университетского физического общества, помещенной в № 85-м "Голоса" // Голос. 1876. 12 апр. С. 5.

⁸⁸ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 91 — 92, примеч. Вагнер признавал благие намерения Менделеева в своей частной переписке: «Когда Вы прочли мою первую статью о медиумизме в Вест. Европы — у вас явилась мысль исследовать эти явления. Вы говорили что "тут есть нечто интересное". В то же время у Вас возникло желание направить меня и Бутлерова на путь истинный. Вы упрекали нас в том, что мы не обратились с этим делом в ученое общество, не пошли по известному и правильному пути всех научных исследований и открытий... Намерения благие, честные, побуждения прекрасные, истинного ученого и доброго товарища!». См.: Вагнер — Менделееву, 9 февраля 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/56.

⁸⁹ См.: Менделеев Д.И. Избранные лекции по химии. М., 1968. О публичных лекциях химиков см.: Brooks N.M. Public Lectures in Chemistry in Russia // Ambix. 1997. 44. P. 1 — 10. Менделеев планировал прочитать лекции сразу после обнародования официального заключения Комиссии, но на получение разрешения от полиции ушло три недели. См.: В. Гаевский — Менделееву, 21 марта 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/163.

⁹⁰ Рекламные объявления см.: Новое время. 1876. 24 апр. № 54. С. 1. Доходы от лекции были пожертвованы Комиссии Русского технического общества, которая помогала нуждающимся ученым.

⁹¹ Павел Иванович Никитин — Менделееву. [26 апреля 1876 г.] // АДИМ. I-V. 23-1-107; Голос. 1876. 28 апр. № 117. С. 2.

⁹² Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 329 — 330.

⁹³ Там же. С. 357. Так, он отвечал на возражения против своей работы по расширению жидкостей 1884 г.: "Правильное понятие о научном диспуте внушается уважением не только к самой истине, но и к людям, посвящающим свое время на отыскание, хоть малой, ее доли. Без понятия об условиях научного диспута — он не только бесполезен, даже вредит течению мыслей, направленных к сознательному разъяснению истины". См.: Менделеев Д.И. Еще о расширении жидкостей. (Ответ профессору Авенариусу) // Журнал Русского физико-химического общества. 16. Отд. физ. 1884. С. 475 — 492. Цит. по: Менделеев Д.И. Соч. Т. 5. С. 164.

⁹⁴ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 381. Менделеев постоянно настаивал на том, что открытая публикация является лучшим путем разоблачения фальшивых доктрин. Как он говорил в 1878 г. (не в связи со спиритизмом): "Если хотят, чтобы нашлись борцы против ложных учений, необходимо дать возможность высказаться всякому учению. Разве можно поверить голословному одностороннему обвинению, не слушая другой стороны? Всякий, если не скажет, то подумает: а может быть в том, что запрещается и обвиняется без обсуждения, если не все истина, то есть хоть часть новой правды?" Письмо 21 августа 1878 г., опубл. в: Тищенко В.Е., Младенцев М.Н. Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность. Университетский период, 1861 — 1890. М., 1993. С. 83.

⁹⁵ Бутлеров — Стасюлевичу, 1 мая 1875 г. // Пушкинский Дом. (Далее: ПД.) Ф. 293. Оп. 1. А. 1 — 1 об. Стасюлевич проигнорировал это письмо, чем вызвал еще более грубый ответ обычно деликатного Бутлерова: Бутлеров — Стасюлевичу, 8 мая

1875 г. // ПД. Ф. 293. Оп. 1. А. 2 — 2 об. Бутлерову вновь отказали в праве высказаться даже несмотря на то, что в том же журнале ранее публиковались откровенные атаки на химика. См.: Бутлеров — Стасюлевичу, 4 января 1879 г. // ПД. Ф. 293. Оп. 1. Д. 287. А. 3 — 3 об.

⁹⁶ Бутлеров — Стасюлевичу, б.д. // ПД. Д. 293. Оп. 1. Д. 116. А. 1 — 2.

⁹⁷ Зарубежные спиритисты преувеличивали значение церковной цензуры спиритизма в России. См.: Britten E.H. Nineteenth Century Miracles; or Spirits and Their Work in Every Country of the Earth. N.Y.: William Britten, 1884. P. 355.

⁹⁸ Цит. по: Быков Г.В. Александр Михайлович Бутлеров. С. 162. Странно, что Вагнер согласился с Победоносцевым: "На Вашу лекцию я также мог отвечать лекцией, но я этого не хочу. Эта лекция могла произвести скандал и волнение в публике — чего я разумеется не желаю. Но я вполне убежден, что эта лекция уничтожила бы весь эффект Вашей лекции и ясно показала бы публике цель и образ действия Комиссии...". См.: Вагнер — Менделееву, 22 декабря 1875 г. // АДИМ. Альб. 4/60.

⁹⁹ Голос. 1876. 27 апр. (9 мая). № 116. С. 3. См. также: Летанин Н. Первая лекция Менделеева о спиритизме // Новое время. 1876. 26 апр.

¹⁰⁰ Боборыкин П.Д. Ни взад — ни вперед // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 16(28) марта. С. 1.

¹⁰¹ Русское физическое общество большинством голосов (30 : 0) предоставило Менделееву полный контроль над публикацией протоколов (Петрушевский — Менделееву, 24 марта 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/161). О публикации остальных решений см.: АДИМ. II — А-8-2-1 и II — А-8-2-2. В советскую публикацию сочинений Менделеева включено только первое предисловие и две лекции. Стоит заметить, что примечания Менделеева не воспроизведены в публикации.

¹⁰² В отличие от других публикаций работ Менделееву в "Материалах" примечания имели существенное значение, дополняя основной текст.

¹⁰³ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. 1.

¹⁰⁴ Эти статьи состоят не только из двух публичных лекций, но также из выполненного Е.Г. Бекетовой перевода книги Лавуазье (Lavoisier) о месмеризме, лабораторных исследованиях медиумических явлений и других "руководящих" примечаний из истории и методологии борьбы со спиритизмом. Это сочетание научно-исследовательских и исторических статей в сочетании с "непреукрашенными", но снабженными обильными примечаниями протоколами комиссии должны были далее убедить читателя в серьезности затрагиваемых вопросов. Так, например, в статье С.К. Квитки, молодого студента Горной Академии, представляющей собой научное исследование движения стола, утверждалось, что это явление имело место на самом деле, но было вызвано силами магнетизма. Менделеев, в целом не соглашавшийся с выводами статьи, включил ее в публикацию с той целью, чтобы показать, что даже обладавший элементарными навыками студент может тщательно исследовать спиритизм (Там же. С. 163). Краевич не хотел включать статью Квитки на том основании, что она не выявляла ничего нового. См.: Краевич — Менделееву, март или апрель 1876 г. // АДИМ. Альб. 4/164. Со своей стороны, Квитка был очень польщен публикацией и похвалой Менделеева. См.: В.И. Гаршин — Е.С. Гаршиной, 2 апреля 1876 г. // Гаршин В.И. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. III. С. 78. Я благодарю Л.В. Бондаренко за эту ссылку.

¹⁰⁵ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. IX. Менделеев в своей личной записной книжке отметил, что книжка была опубликована в количестве 1388 экземпляров (включая 14 для цензоров) (Записная книжка, 1874 — 1876. № 20 // АДИМ. II-A-1-1-9; I.105).

¹⁰⁶ Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. С. X.

¹⁰⁷ Именно в это время метеорология в глазах общества превращалась из любительского предсказания в уважаемую науку. О "приручении" метеорологии в Британии и о попытках отделить ее от оккультизма см.: Anderson K. The Weather Prophets: Science and Reputation in Victorian Meteorology // History of Science. 1999. Vol. 57. P. 179 — 216. В конце XVIII века на метеорологию часто ссылались, оправдывая месмеризм. См.: Sutton G. Electric Medicine and Mesmerism // Isis. 1981. N 72. P. 337.

¹⁰⁸ См, например: Акатов В.С. О позитивных основах новейшего месмеризма, М., 1909. С. 67, 68. Критики спиритизма ссылались на свойства эфира для того, что-

бы опровергнуть возможность материализации духа. См.: *Шкляревский*. Критики того берега. С. 476–478. О связи этих проблем см. также: *Wynne B. Physics and Psychics: Science, Symbolic Action, and Social Control in Late Victorian England // Natural Order: Historical Studies of Scientific Culture / Ed. B. Barnes, St. Shapin. Beverly Hills: Sage, 1979. P. 167–186; Oppenheim. The Other World: Spiritualism and Psychical Research in England. 1850–1914. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 218; Wilson D.B. The Thought of Late Victorian Physicists: Oliver Lodge's Ethereal Body // Victorian Studies. 1971. 15; Benson D.R. Facts and Fictions in Scientific Discourse: The Case of Ethers // Georgia Review. 1984. 38. P. 834; Cantor G. The Theological Significance of Ethers // Conceptions of Ether / Ed. Cantor and Hodge. 1981. P. 146. В других случаях спириты ссылались на эфир как на главный гипотез с тем, чтобы оправдать их собственные гипотезы о спиритистских силах. Бутлеров и Вагнер были среди них. См.: *Бутлеров А.М.* Кое-что о медиумизме // Ребус. 1883; № 16. *Вагнер А.Н.* Перегородочная философия и наука // Новое время. 1883. 13 и 20 июля.*

¹⁰⁹ *Аксаков А.Н.* Разоблачения: История медиумической комиссии Физического общества при С.-Петербургском университете с приложением всех протоколов и прочих документов. СПб., 1883. С. XIV и XVI (выделено в оригинале). Аксаков с презрительной насмешливостью отнесся к заключению Комиссии, которое он раскритиковал строчку за строчкой, опровергая каждое положение Комиссии с логической, эмпирической и психологической точек зрения. Позднее он опубликовал эту критику в отдельном оттиске под названием "Памятник научному предубеждению". Спириты рассматривали эту работу как окончательное опровержение "жалкого отчета" Комиссии. См.: *Аксаков В.С.* О позитивных основах новейшего спиритизма. М., 1909. С. 4.

¹¹⁰ О позиции Ф.М. Достоевского см.: *Gordin M.* Loose and Baggy Spirits: Reading Dostoevskii and Mendeleev // Slavic Review. 2001. 60. P. 756–780.

¹¹¹ О его спиритской фотографии см. его "Sine ira et studio" (1894); см. также: *Прибытков В.* О фотографиях, представленных профессором Вагнером в Техническое общество // Ребус. 1894. № 13. Сеансы Вагнера с Эусапией проходили в Неаполе. См.: Вагнер — А.Д. Бутловскому, 2 декабря 1883 г. и 6 февраля 1884 г. // ПД. Ф. 1. Оп. 2. Д. 174. Л. 3–4об.; Л. 6–7об. О Эусапии см.: *Muensterberg H.* My Friends, the Spiritualists: Some Theories and Conditions Concerning Eusapia Palladino // The Metropolitan Magazine. 1910. February. 31. N 5.

¹¹² Н. Страхов начал свою атаку на спиритизм в 1876 г., но в 80-е годы спор с Бутлеровым был в самом разгаре. См.: Три письма о спиритизме. Письмо первое // Гражданин. 1876. 15 нояб.; Три письма о спиритизме. Письмо II // Там же. 1876. 22 нояб.; Три письма о спиритизме. Письмо III // Там же. 1876. 29 нояб.; Еще письмо о спиритизме // Новое время. 1874. 1 февр. Физическая теория спиритизма // Там же. 1885. 26 февр. Закономерность стихии и понятий // Там же. 1885. 11 и 26 нояб. Страхов поддерживал отношения с Менделеевым и любил пикироваться с ним по поводу метафизики (Страхов — Менделееву, 26 апреля 1889 г. // АДМ. Альб. 2/248). О позиции Бутлерова в споре см.: *Бутлеров А.М.* Умствование и опыт // Новое время. 1884. 7 февр; Он же. О "возможном" и "невозможном" в науке // Ребус. 1883. № 48; Он же. Эмпиризм и догматизм в области медиумизма. М., 1879; Он же. Четвертое измерение пространства и медиумизм // Русский вестник. 1878. Февр. Вагнер был его противником в "Перегородочная философия и наука" и "Раздвоенная философия" (Новое время. 1884. 3 апр.)

¹¹³ *Carlson M.* Fashionable Occultism: Spiritualism, Theosophy, Freemasonry, and Hermeticism in Fin-de-Siècle Russia // The Occult in Russian and Soviet Culture. 1997. P. 138; *Idem.* No Religion Higher Than Truth": A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. Интерес к работам об оккультизме растет, что проявилось в переводе истории спиритизма Подмора и публикации библиографии по спиритизму: *Подмор*. Спиритизм. Историческое и критическое исследование. СПб., 1904–1905; *Антоношевский*. Библиография оккультизма. СПб., 1911; О современном оккультизме см.: *Stephen Holly DeNio.* The Occult in Russia Today // The Occult in Russian and Soviet Culture. 1997. P. 357–376.

¹¹⁴ В связи с работой Комиссии Менделеев получал письма от ряда корреспондентов. Вильгельм Доллен астроном Пулковской обсерватории, писал Менделееву

об теориях астрофизика Карла Фридриха Золнера о четвертом измерении и спиритизме, и просил его разоблачить Герни Слэйда в случае если тот приедет в Петербург (Слэйд действительно приехал, но Менделеев держался в стороне от него). См.: Доллен — Менделееву, 26 января 1878 г. // АДМ. I-V-11-1-80. Кроме того на адрес Менделеева приходили исполненные драматизма письма, подписанные просто как "Мать семьи". Автор писем ставил Менделееву в вину отрицание духов как "преступление в глазах Бога и всего христианского мира". Обвинив Менделеева в материализме и коррупции, женщина прокляла его, что было понято Менделеевым как угроза. Две недели спустя дама извинилась за грубый тон (АДМ. Альб. 4/170 и 4/171).

¹¹⁵ *Голос*. 1876. 11 (23) марта. № 71. С. 2; *Новое время*. 1876. 11 апр. № 41. С. 3. Результаты дальнейшего исследования оказались двусмысленными. К удовольствию издателя "Ребуса" Прибыткова некоторые врачи не нашли доказательств мошенничества на сеансах. См.: *Прибытков В.* Медиумические явления перед судом врачей. СПб., 1885. Церковь, с другой стороны, продолжала позиционировать спиритизм как "болезненный феномен в области современной мысли". См.: *Вержболович*. Спиритизм пред судом науки и христианства, М., 1900. С. 53.

¹¹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 4 мая (цит. по *Аксаков А.Н.* Разоблачения. С. 260).

¹¹⁷ *Менделеев Д.И.* Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвании и на Кавказе (1877) // Менделеев Д.И. Соч. Т. X. С. 82; Он же. Записная книжка, 1874–1876. № 20 // АДМ II-Ф-1-1-9. Л. 80–83.

¹¹⁸ *Прибытков В.* Профессор Менделеев признает медиумические явления // Ребус. 1894. № 1; *Аксаков А.Н.* По поводу одного из "пшиков" профессора Менделеева // Там же. 1894. № 2. Историк Мария Карлсон (Maria Carlson) приняла эти призывания за чистую монету (Fashionable Occultism. P. 138; No Religion Higher Than Truth... P. 25).

¹¹⁹ *Менделеев Д.И.* Спиритские узлы. 1904. 18 мая. P. 3.

Пер. Е.А. Правиловой, И.А. Христофорова